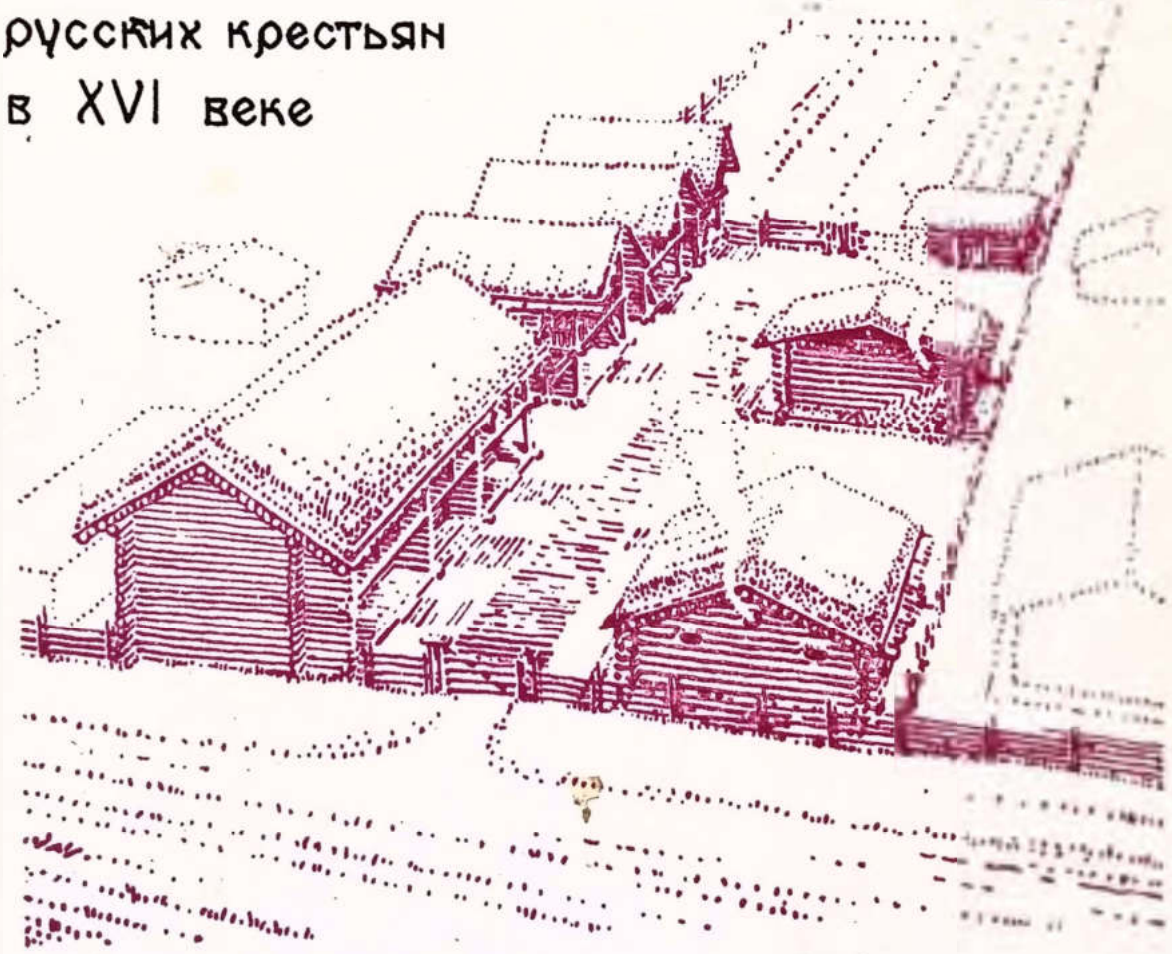
А.А.Шенников

Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева

Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке



С.-Петербург, 1993

25-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Русское географическое общество

А.А.ШЕННИКОВ

ДВОР КРЕСТЬЯН НЕУДАЧКИ ПЕТРОВА И ШЕСТАЧКИ АНДРЕЕВА.

Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке.

Санкт-Петербург, 1993.

УДК 390(47) I5

ДВОР КРЕСТЬЯН НЕУДАЧКИ ПЕТРОВА И ЕВСТАЧКИ АНДРЕЕВА (Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке). А. А. К е а н и к о в. СПб., Русское географическое общество. 1993.

В очерке (5 п.л., I7 илл.) подробно рассказано о восстановлении облика одной крестьянской усадьбы по документу I584 г. Усадьба находилась в с.Белом примерно в 80 км к северо-западу от Новгорода и в I25 км к югу от места будущего С.-Петербурга. В настоящее время это Лужский район Ленинградской области. Для реконструкции использованы результаты многолетних исследований автора по истории крестьянских усадеб Европейской России, изложенные в виде статей и в книге: Длинный дом и крытый двор. СПб., I992. Показано, что в XVI в. крестьянские усадьбы имели мало общего с усадьбами конца XIX–начала XX вв. и что в течение XVII, XVIII и XIX вв. они непрерывно развивались и сильно изменились.

Очерк написан, по возможности, популярно и предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей русского крестьянства, его хозяйства и культуры вообще. Некоторые сведения могут быть интересны и для различных специалистов исторических наук – этнографов, историков архитектуры, археологов и др., а также для петербургских и новгородских краеведов, изучающих историю сельских районов своих областей.

Научный редактор
доктор архитектуры Ю.С. Ушаков

Рецензенты:
доктор исторических наук И.В. Дубов
доктор исторических наук А.Н. Кирпичников

В В Е Д Е Н И Е

В 1851 г. известный русский историк И.Е.Забелин в своей книге, впоследствии многократно переизданной, заявил: "Все согласятся, мы думаем, что теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста и даже тысячу лет ..."[1]. Он утверждал также, что до эпохи Петра I в России не было существенных различий между усадьбами разных классов населения, от крестьян и рядовых горожан до царей, - различались они только размерами и степенью украшенности.[2]

Эти два тезиса И.Е.Забелина совершенно неправомерны хотя бы потому, что он вообще не изучал крестьянскую строительную культуру и потому не мог, да и не пытался доказать эти утверждения. Но он много сделал для изучения усадеб царей, феодалов и богатых горожан Московского государства XVI-XVII вв., его авторитет как историка русской культуры был очень высок. Поэтому И.Е.Забелину поверили на-слово не только самые широкие круги читателей, интересовавшихся русской историей, но и историки-специалисты.

В результате после И.Е.Забелина почти все исследователи - этнографы, историки архитектуры, искусствоведы и другие - до недавнего времени изучали крестьянские усадьбы и постройки только конца XIX-начала XX вв., хорошо сохранившиеся, которые можно было обследовать экспедиционным способом, то есть приехать на место, зарисовать, обмерить, сфотографировать, спросить у местных жителей, как называется та или иная постройка или ее деталь, для чего она служит, какие обряды и поверья с нею связаны и т.д. И хотя все знали, что крестьянские постройки, почти сплошь деревянные, были крайне недолговечны, быстро гнили, часто горели, постоянно перестраивались, так что жилые и хозяйственные строения более чем столетнего возраста было практически невозможно найти, тем не менее все были уверены, что совершенно так же, как в конце XIX в., селения русских крестьян выглядели "за триста, четыреста и даже тысячу лет", - ведь так сказал И.Е.Забелин!

Поэтому не считали нужным специально изучать историю строите-

---

[1] Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд.3. М., 1895. С.27.

[2] Там же. С.27; Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве // Древняя и новая Россия. 1878, № 3. С.198.

льной культуры русских крестьян более ранних времен, хотя при желании можно было бы найти для этого необходимые источники -описания крестьянских усадеб в литературе и в различных деловых документах, их изображения на старинных рисунках, можно было провести археологические раскопки и т.д. До сих пор раскапывают остатки древних деревянных построек главным образом лишь в городах или на "городищах" (местах заброшенных крепостей) и считают, что в неукрепленных крестьянских селениях должны были быть такие же постройки, ибо И.Е.Забелин сказал, что между крестьянскими и некрестьянскими усадьбами не было качественных различий. И ни одна собственно крестьянская усадьба во всей России до сих пор не раскопана полностью, известны лишь немногочисленные фрагменты.

Некоторые из наших читателей могут здесь спросить: а зачем вообще нужно изучать историю крестьянской усадьбы? Прежде всего, это необходимо для правильного понимания истории крестьянства и крестьянского сельского хозяйства. Крестьяне даже в конце прошлого века составляли около 90% населения нашей страны,а ранее этот процент был еще выше. Поэтому без знания истории крестьян нельзя знать историю России.

Крестьянская усадьба – участок земли с постройками, принадлежавший крестьянской семье – это не только жилище (что само по себе уже немаловажно), но и группа хозяйственных сооружений, которые были такими же необходимыми средствами труда, как земля,скот, орудия труда (плуги и пр.), средства транспорта и мн.др. Без знания истории развития всех этих средств труда нельзя изучать социально-экономическую историю крестьянства, чем занимаются специалисты по аграрной истории.

Далее,история крестьянской усадьбы – это часть истории культуры народа вообще, истории материальной культуры в частности и крестьянской строительной культуры в том числе. С нею тесно связана и история крестьянской духовной культуры, потому что в усадьбе крестьянин рождался, рос, жил и умирал, из усадьбы он смотрел на мир, здесь складывались его бытовые обычаи, верования,художественные традиции, – словом, усадьба крестьянина была материальной средой, материальным фоном для развития всей, в том числе и духовной, его культуры. Традиционные формы крестьянских усадеб и их деталей характеризовали культуру каждого народа, и с этой точки зрения их изучают этнографы.

Не каждая крестьянская постройка может быть названа произведением архитектуры, были среди них и чисто технические сооружения, до уровня архитектуры еще не доросшие. Но крестьянские строители умели создавать и подлинные шедевры народного зодчества, занимающие в истории архитектуры почетные места наряду с храмами, дворцами и т.п. Эту сторону крестьянского строительства изучают историки архитектуры, а специальными вопросами украшения крестьянских построек (резьбой, росписью и пр.) занимаются искусствоведы.

Можно перечислить еще много крупных и мелких разделов исторической науки, в которых исследователи время от времени встречаются с отдельными вопросами истории крестьянской усадьбы. Например, филологов и лингвистов интересует значение и происхождение крестьянских строительных терминов. Даже исследователям крестьянского музыкального творчества надо знать устройство и эволюцию крестьянской усадьбы, потому что о различных ее деталях постоянно упоминали народные песни, а вся организация праздничных, свадебных, похоронных и прочих обрядов с их богатым музыкальным оформлением в большой степени зависела от этого устройства.

Можно вспомнить и о том, что крестьянская усадьба – это первичная ячейка крестьянского поселения. А история поселений и систем расселения (способов расположения поселений на местности) – это особая наука, входящая в состав не только исторических, но и географических наук.

И вот изучение истории крестьянской усадьбы в этих разнообразных аспектах на целое столетие выпало из репертуара всех разделов исторических и смежных с ними наук из-за неосторожных высказываний И.Е.Забелина и их некритического восприятия. Только в середине нынешнего столетия, в послевоенные годы, наконец началось изучение истории усадьбы российских крестьян этнографом Г.Г.Громовым[3], продолженное автором настоящего очерка[4].

---

[3] Громов Г.Г.: История крестьянского жилища Владимирского края в XI-XIX вв. Автореферат дисс.канд.ист.н. М., 1954; Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // Сов.этнография. 1955, № 1; Русская материальная культура XVII в. // Вопросы истории. 1975, № 4.

[4] Пенников А.А.: Крестьянские усадьбы в XVI-XVII вв. (средняя и южная части Европейской России) // Архитектурное наследство. М., 1962, № 14; Крестьянские усадьбы XVI-XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России) // Там же,

Сейчас уже многие исследователи работают в том же направлении. И уже ясно, что И.Е.Забелин был неправ, хотя сторонники его взглядов еще не перевелись. Доказано, что типы крестьянских усадеб и построек в Европейской России в исторически обозримое время развивались и изменялись непрерывно и быстро, перемешались и границы их распространения. Примерно со второй половины XVI в. вся эта эволюция в общем уже известна, хотя предстоит выяснить еще многие детали.

Но все эти новые сведения изложены пока в статьях и книгах, доступных только специалистам. Неподготовленному читателю там многое непонятно, да и нелегко найти эти специальные публикации, имеющиеся только в научных библиотеках. Вот почему мы решили взять лишь одно, но достаточно подробное и выразительное описание крестьянской усадьбы, находившейся в XVI в. на территории нынешней Ленинградской области, и рассказать популярно, как мы изучали этот письменный источник и какие сведения из него извлекли. Стараясь не загромождать текст ссылками на очень обширную специальную литературу, использованную нами, мы все же даем минимальное количество ссылок на наши и некоторые другие исследования, в которых читатели могут найти полную библиографию вопроса, а непосредственно на первоисточники ссылаемся лишь тогда, когда они не указаны в наших публикациях.

Надеемся, что читателям могут быть интересны не только выводы нашего исследования непосредственно о крестьянских усадьбах, но и попадающие по ходу изложения в поле нашего зрения многие другие детали жизни и быта наших предков и весь тот исторический фон, на котором разворачивается исследуемый маленький эпизод. Возможно, что читателей заинтересует самый процесс работы историка, ход его мысли при изучении разнообразных источников. Может быть, кое-что тут привлечет внимание не только неподготовленных читателей, но и историков-профессионалов, поскольку мы применяем не только общепринятые, но и некоторые нетрадиционные приемы исследования и получаем выводы, не всегда известные специалистам.

М., 1963, № 15; Крестьянские усадьбы конца XVII и начала XIX вв. в Европейской России// Докл. отд. и комис. Географического об-ва СССР. Л., 1968. вып.5; Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX вв.// Этнография народов Восточной Европы (со.статей). Л., 1977; Длинный дом и крытый двор: Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX - начала XX вв. СПб., 1992.

Д О К У М Е Н Т

6 августа 1584 г., в начале царствования Федора Ивановича - сына Ивана Грозного, на Новгородской земле был составлен юридический документ о переделе между несколькими помещиками группы принадлежавших им крестьян вместе с усадьбами. Документы такого рода назывались "раздельными", "дельными" или "деловыми" грамотами, бывали и другие названия. В данном случае человек, писавший документ, назвал его "книги деловые", а местный священник, заверивший его подпись, написал "отдельные книги". Ниже условно называем эту грамоту просто "документом".

Документ сохранился в архиве и напечатан в начале нынешнего столетия в одном из многочисленных специальных сборников подобных публикаций [5]. Одна из крестьянских усадеб описана довольно подробно, на ней мы и сосредоточим внимание. Там же описано еще три усадьбы в одной из соседних деревень, которые мы тоже рассмотрим.

Усадьба находилась в селе Белом, что на берегу небольшого озера Белого, примерно в 60 км к северо-западу от Новгорода и в 125 км к югу от места будущего Петербурга. Впоследствии это село оказалось в Лужском уезде Петербургской губернии, затем в Лужском районе Ленинградской области, около 12 км к востоку от железнодорожной станции Оредеж. А в то время, когда был составлен документ, это была территория Бельской волости Бутковского погоста Водской пятины.

Пятинами назывались части государства Великого Новгорода, которые сохранились и после того как Новгородская земля была присоединена в конце XV в. к Московскому государству. Водская пятина занимала северо-западную часть Новгородской земли от Новгорода и р. Волхова до Финского залива и все Приладожье. Пятина называлась Водской по имени народности, родственной эстонцам, финнам, карелам и прочим финноязычным народам, которая по-русски называлась водь (финское название vatjalaiset). Ее остатки сохранились среди крестьян на крайнем северо-западе Ленинградской области близ

---

[5] Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. Т.I. М., 1909. С.509-510.

финского залива. В более далеком прошлом какое-то финноязычное население несомненно существовало и в районе оз. Белого, но его постепенное ославянивание началось задолго до XУI в., когда славяне начали проникать в эту местность с юга. Крестьяне тут уже давно были русскими.

Погосты и волости, в том числе Бутковский погост и Бельская волость, - это меньшие, чем пятины, территориально-административные подразделения. Вообще на Руси в то время границы волостей и погостов не обязательно совпадали, волости могли быть как меньше, так и больше погостов. В данном случае волость была частью погоста. Погосты и волости того времени не следует смешивать с погостами и волостями XIX-начала XX вв. Термины "погост" и "волость" существовали как до, так и после XУI в.,но в течение многих столетий не раз меняли свои значения.

Слово "погост" вначале, по-видимому, означало территорию одной крестьянской общины. Крестьяне жили в разбросанных по необозримым лесам мелких, часто односемейных деревнях, тяготевших к центральному селению, называвшемуся погостом. Там находились общинная администрация, торговая площадь, церковь с усадьбами духовенства (а ранее языческое святилище) и кладбище. Такое расположение крестьянских селений историки называют погостной системой расселения. Современным читателям может показаться, что погостная система расселения похожа на расселение фермеров по хуторам в эпоху капитализма. Но сходство тут только внешнее. В этом надо разобраться. Погостная система расселения была связана с применявшимися в то время так называемыми переложными системами земледелия. Что это такое?

Как известно, земледелие постепенно снижает плодородие почвы. С урожаем выносятся с поля необходимые для растений питательные вещества, нарушается нужная для нормального развития растений комковатая структура почвы. Чтобы земледелие было устойчивым и не доводило почву до полного истощения, требуется постоянное восстановление плодородия почвы. Российские крестьяне вплоть до начала нынешнего столетия имели возможность применять для этого только два способа: удобрение и перелог.

Однако современных многочисленных и разнообразных искусственных удобрений промышленного изготовления до середины XIX в. не было вообще нигде в мире, а до российских крестьян они начали до-

ходить еще на столетие позже. До того единственным удобрением был навоз, которого постоянно недоставало по многим причинам. Крестьянское скотоводство было слабо развито в одних случаях из-за недостатка кормов, в других - из-за отсутствия рынков сбыта животноводческой продукции, часто из-за того и другого одновременно. Не хватало построек для стойлового зимнего содержания скота, без чего навозное удобрение нужного качества в нашем климате не получается (об этом подробнее скажем ниже). Вывозить навоз на поля было трудно из-за бездорожья. Поэтому приходилось применять другое средство восстановления плодородия - перелог.

Перелогом называется периодическое оставление поля без посевов на несколько десятков лет, с зарастанием его дикой растительностью. За время перелога плодородие постепенно восстанавливается без удобрения. Пока поле лежит в перелоге, получать урожай надо с других полей. Поэтому при применении перелогов требуется огромное количество земли, разделенной на участки, которые используются по очереди: пока одно поле дает продукцию, остальные лежат в перелоге, постепенно зарастая лесом или степной травой. Очевидно, земледелие с перелогами возможно только в очень малонаселенных местностях.

Система земледелия - это совокупность мероприятий, обеспечивающих восстановление плодородия. Системы, в которых средством восстановления плодородия является перелог, называются переложными системами. Они имели некоторые особенности в разных природных зонах нашей страны. Имеем в виду принятое у географов подразделение территории, в том числе в Европейской России, на зоны - степную, лесостепную, лесную, лесотундровую и тундровую.

В лесной зоне, к которой относится и Новгородская земля, в XVI в. еще повсеместно, а во многих местах и гораздо дольше, крестьяне применяли в основном две лесные переложные системы земледелия (разумеется, они не знали самого термина "система земледелия", но порядок ведения хозяйства, впоследствии получивший это название, они знали отлично). В простейшей из этих систем каждый участок, расчищенный из-под леса после очередного перелога, засевался и давал без удобрения урожай непрерывно в течение не более 3-4 лет, после чего почва истощалась, посевы заглушались сорняками и поле снова запускалось в перелог лет на 50. Сейчас агрономы и специалисты по аграрной истории называют эту систему зем-

леделия подсечно-огневой (о причине появления такого названия скажем ниже).

Несколько сложнее была система, впоследствии названная агрономами лесопольно-паровой. Между двумя перелогами участок засевался не непрерывно,а периодически: обычно через каждые два года он на третий год оставлялся под паром, то есть распаханным,но не засеянным и без зарастания его дикой растительностью. Этот так называемый трехпольный паровой севооборот применяется и сейчас, но, как правило, с удобрением, и это называется паровой системой земледелия. А в лесопольно-паровой системе пар не сопровождался удобрением, он был только средством борьбы с сорняками. Он не заменял и не устранял перелогов, но интервал между двумя перелогами растягивался до IO-I5 лет. Таким образом, система оставалась переложной, но требовала несколько меньшей площади земли, чем подсечно-огневая, то есть была более интенсивной.

Именно переложные системы земледелия были причиной существования погостной системы расселения. Каждой крестьянской семье требовалось так много полей, поочередно вводимых в оборот и снова запускаемых в перелог, что отдельные поля могли оказаться более чем за десяток километров от усадьбы. Учтем, что далеко не всякий участок леса годился для земледелия вообще и для переложных систем в частности: не годились участки слишком сухие или,наоборот, заболоченные и т.п. Если бы при такой системе земледелия много (IO и более) крестьянских усадеб было компактно расположено в одном селении примерно такого размера как нынешняя деревня, то расстояние от усадеб до полей увеличилось бы вплоть до невозможности вести хозяйство. Вот почему крестьянам приходилось селиться по мелким, часто одноусадебным деревням, за многие километры от общинного центра и друг от друга.

Однако население росло и для переложных систем земледелия становилось тесно. Поэтому начинала развиваться комбинированная система: на дальних полях продолжали применяться перелоги без удобрения, а ближайшие к селениям поля эксплуатировались с упомянутым трехпольным паровым севооборотом непрерывно,без перелогов,но уже с удобрением. Удобряемая ближняя, так называемая "удворная" пашня вначале была еще очень мала и расширялась медленно, лишь по мере увеличения производства навоза. Дальняя лесная пашня с перелогами и без удобрения - "запольная" - еще долго оставалась

главной в крестьянском хозяйстве. И даже после того как "удворная" пашня становилась преобладающей, "запольная" сохранялась местами вплоть до конца XIX-начала XX вв. в удаленных от селений лесах и в малонаселенных районах. Такие случаи известны и на Новгородской земле.

Крестьяне так упорно стремились сохранить комбинированные системы земледелия потому, что после окончательного исчезновения дальних полей с перелогами воцарялась упомянутая паровая система. Она повышала интенсивность земледелия, но резко снижала урожайность: при минимальном, еле-еле достаточном навозном удобрении (а на большее крестьянские хозяйства были неспособны) получалась урожайность основной культуры - ржи - не более чем сам-3 - сам-5 (3-5 зерен на I посеянное зерно), то есть урожайность нищенская, едва терпимая. Лесные же переложные системы обеспечивали урожайность в среднем около сам-10, а в первый год после перелога - фантастически большую, до сам-50 и даже местами сам-100. Понятно, что откачиваться от таких выгодных систем крестьяне могли только под давлением неумолимо растущей плотности населения по отношению к площади доступных для крестьян земледельческих угодий.

Прирост населения и постепенное вытеснение переложных систем земледелия системой с удобрением вели к изменениям и в системе расселения. Мелкие лесные деревни росли, становились многоусадебными. Погосты-селения тоже обрастали крестьянскими усадьбами и превращались в села - многоусадебные селения, имевшие церкви. Слово "погост" после этого означало только сельское кладбище. Поля концентрировались близ селений, дальние лесные поля исчезали. Крестьянские общины дробились, мельчали. В местностях с сильно развитым помещичьим земдевладением общины стали соответствовать помещичьим имениям. Кроме многодворных деревень и сёл появился третий тип селения - сельцо (с помещичьей усадьбой, но без церкви).

Вся эта эволюция систем земледелия и расселения, с постепенным разложением погостной системы, шла в лесной зоне Европейской России очень неравномерно. Например, на Севере погостная система расселения даже в XIX в. еще не везде исчезла, а в Подмосковье и в XVI в. от нее сохранялись лишь последние остатки. И только к концу XIX-началу XX вв. кое-где начался обратный процесс дробления многоусадебных селений с образованием одноусадебных хуторов-ферм, но уже на новом качественном уровне - на основе дальнейшей

интенсификации земледелия, при его механизации и с широким использованием наемного труда.

В интересующей нас центральной части Новгородской земли в конце XУI в. погостная система расселения в общем еще существовала, но в уже заметно измененном виде. Так, центральное селение Бутковского погоста еще не называлось селом Бутковым, каковым оно стало впоследствии. Но Белое, несомненно, выросшее из деревни, пожалованной помещикам и затем, видимо, в течение какого-то времени бывшее сельцом, к I584 г. успело уже стать не только селом с церковью, но и волостным центром. Но вообще на Новгородской земле еще преобладало расселение крестьян мелкими деревнями, хотя и имевшими уже тенденцию к росту. Это могло соответствовать только комбинированной системе земледелия. Правда, эволюция шла неравномерно, и соотношение между площадями "удворной" и "запольной" пашни могло сильно колебаться по отдельным погостам и селениям. Мы не знаем, каково было это соотношение конкретно в Бутковском погосте и в селе Белом, потому что в так называемых "писцовых книгах" – переписях того времени, содержащих подробные статистические сведения об "удворной" пашне, "запольная" пашня вообще не отражалась. Но при всех местных колебаниях система земледелия в среднем была, несомненно, комбинированной, с большим или меньшим применением перелогов на дальних лесных полях.

Вот как много сведений мы получаем из упомянутого в документе слова "погост" и из факта существования на Новгородской земле в XУI в. погостной системы расселения.

Происхождение волостей не так ясно, как происхождение погостов. Термин тоже менял свое значение и, возможно, имел разные значения в различных местностях. По-видимому, первоначально он тоже означал общинную территорию, но в дальнейшем волости стали приобретать более характер территориально-административных подразделений. Лишь в конце XУШ в., при Екатерине П, окончательно оформилось деление России на губернии, губерний – на уезды (тоже старый термин, менявший значение), а уездов – на волости, уже вполне утратившие связь с прежними волостями и погостами[6].

[6] См. подробнее о системах земледелия: Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья ... С.4-I0; о системах расселения – Шенников А.А. Поселения // Очерки русской культуры XУII в. Ч.I. М., I979. С.I65-I67.

Из дальнейшего рассмотрения документа видно, что село Белое до I584 г. было в "вопчем" (общем) владении шести помещиков. Некоторые из них владели крестьянами и в соседних селениях, в том числе "вопче" с помещиками, не имевшими владений в Белом, но тоже попадающими в наше поле зрения. Два участника передела получили участки без крестьян и дворов.

Неизвестно, когда и как образовалось все это "вопчее" владение. Могут быть разные версии его происхождения. Наиболее вероятно, что эти помещики или их отцы, но вряд ли более далекие предки, - это рядовые "служилые люди", то есть военнослужащие разных наименований, получившие поместья за службу, но ранее не имевшие, как говорится, ни кола, ни двора и вынужденные начинать почти с нуля. Это видно уже из того, что во всей этой группе было в среднем по одному крестьянину на одного помещика. Можно даже точнее предположить, что поместья они получили за казанский поход I552г. или за последующую службу в Среднем и Нижнем Поволжье, судя по присутствию среди них татар, а может быть и выходцев из других неславянских поволжских народов. Так, пять помещиков имели фамилию Неелов (очевидно, близкие родственники), но трое из них имели русские православно-христианские имена Афанасий, Михаил и Григорий, один имел явно татарское имя Темир и еще один - имя Посник, распространенное в те годы, но неясного происхождения и во всяком случае неправославное. Можно спорить и об этническом происхождении Федора Сарлаимова и Григория Камаева.

Все это очень характерно именно для рядовых "служилых", которых тогда набирали в большой мере из перешедших на московскую службу бывших военнослужащих Казанского ханства - татар и др. При принятии на службу этих людей - мусульман или язычников - от них не всегда требовали крещения, а если требовали, то нередко один получал православное имя, но сохранял нерусскую фамилию, другой - наоборот. Вдобавок и русский "служилый" мог приехать в пожалованное ему поместье с нерусской женой откуда-нибудь из Поволжья, а отсюда возникал разнобой в именах их сыновей - родных братьев. Такие ситуации видны особенно часто в конце XУI-начале XУП вв. по документам, касающимся мелких помещиков во всей России.

Бедность этих новоявленных помещиков не давала им возможности в одиночку освоить свои поместья, что и вынуждало их объединяться на правах "вопчего" владения. Общее владение означало, что

все связанные с ним расходы и доходы делились между совладельцами поровну. В селе Белом такое положение существовало, вероятно, не один год. Но в 1584 г. между совладельцами обнаружилось неравенство. Возможно, что кто-то экономически окреп больше других,а кто-то, наоборот, оказался не в состоянии справляться со своей частью. Так или иначе два помещика – Григорий Кренев и Григорий Борков – по·ребовали передела, с переходом от общего владения к долевому, что и было оформлено документом. В частности, один из крестьянских дворов с жившими в нем крестьянами был разделен так, что одна половина досталась одному помещику, а другая – двум другим, пожелавшим сохранить общее владение этой половиной. В документе это выглядит так:

"...Поснику Неелову досталось пол двора, а в нем крестьянин Неудачка Петров, а хоромов на его половине двора: изба, да две клети, на дву хлевах, да меж клетей пристинец, да под ним пристинец же хлевец; а ходити им в одни ворота Шестачком, и в огород в лазею; да овин у них Шестачком ввопчи..."

"А Григорью Креневу да Григорью Боркову досталося в той же Белой: пол двора с Неудачком на одном дворе в вопчем сели на Белои, а в нем крестьянин Шестачко Ондреев, бобыли Истомка Федосов да Иванько Петров, а на Шестачкове половине двора хоромов с товарыщи: изба, да три клете, да под ними два хлева, да мыник, да наземно хлевец ту то же у избы стоит на огороди; а ходити Шестачку с Неудачком в одни ворота и в лазею на огород; да овин у них ввопчи..."

Для читателей, впервые встречающихся с такими историческими источниками, заметим прежде всего, что орфография русской деловой письменности в то время еще не установилась и чиновники разных рангов – подьячие, дьяки, писцы и прочие, – постоянно писали одни и те же слова по-разному, даже в одном документе, а в копиях появлялись еще и описки переписчиков. Например, в описании неудачкиной половины двора надо читать, конечно, не "Шестачком", а"с Шестачком" (похоже,что ошибка сделана при переписке под диктовку). В описании шестачкиной половины двора непонятно выражение "хоромов с товарыщи". Обычно так писали при перечислении людей, но иногда это выражение применялось и к другим объектам, например "Москва с товарыщи". Может быть, тут имеются в виду шестачкины бобыли, хотя равноправными совладельцами бобыли обычно не считались.

У многих читателей вызовут недоумение имена крестьян: Неудачка, Шестачка, Истомка. Это восточнославянские языческие имена. Через шесть столетий после введения христианства на Руси, в конце XУI в., да, кстати, еще и после того в течение доброго столетия эти и многие другие дохристианские имена были в ходу, особенно у крестьян. Например, кроме Шестачки (Шестака), в документах постоянно мелькают Первуньки, Вторки, Третьяки и т.д., имена этого рода означали порядковые номера сыновей в семьях. К именам того же типа, что Неудачка, можно отнести и такие, как Баранка, Нежданка и подобные, смысл которых тоже понятен. В качестве мужских имен нередко использовались названия животных, например Волк, Лисица, Собака, даже Козел, - отнюдь не ругательные клички. Точнее, все эти Неудачки, Шестачки и подобные были, конечно, крещены и имели православно-христианские имена, которые, однако, в жизни не употреблялись, так что о них мог и не помнить никто кроме священника, крестившего этих людей в их младенчестве (ведь не было ни метрик, ни паспортов).

В конце XУI в. только отчества писались обычно уже по-христиански: Неудачка Петров, Шестачка Андреев. Это не фамилии, а именно отчества. Фамилии в то время имелись у крестьян очень редко. Из девяти упомянутых в документе крестьян только один назван Филатко Иванов сын Коковкин, остальные фамилий не имели. У владельческих крестьян это было обычным явлением до самой крестьянской реформы 1861 г. Современная общепринятая форма отчества "Петрович", "Андреевич" и т.п. в XУI-XУII вв. употреблялась только для верхушки класса феодалов - князей, бояр. О них говорили: такого-то "писать с вичем". Но не только крестьян, а и мелких помещиков "с вичем" отнюдь не писали. В документе они упоминаются хотя с фамилиями, но вовсе без отчеств.

Почему два крестьянина - Неудачка Петров и Шестачка Андреев - оказались в одном дворе и, судя по всему, в равноправном положении? Впоследствии, в XIX в. нередко в одной усадьбе жили два родных брата с семьями, но разные отчества Неудачки и Шестачки показывают, что это были не братья, а может быть и вовсе не родственники. Последнее не исключено, ибо даже в XIX в. изредка встречались случаи объединения в одной усадьбе двух не близко родственных и совсем не родственных крестьянских семей. Их иногда называли "складниками", у юристов был известен термин "договорная семья".

Это тоже было связано с переложными и комбинированными системами. На дальних полях надо было удалить выросший за время перелога лес. За отсутствием у крестьян каких-либо механизмов, лес подсушивали, стесывая со стволов кору, затем срубали, выбирали часть, годную на строительство или на дрова, а остальное сжигали прямо на участке, причем прогорал верхний слой почвы и выгорали в нем пни и корни, мешавшие дальнейшей обработке земли. Этот способ расчистки леса впоследствии агрономы назвали подсечно-огневым, а по нему стали называть так и всю лесную переложную систему без пара, хотя и при лесополько-паровой и комбинированной системах лес удалялся с полей этим же способом.

Подсечно-огневой способ расчистки леса после перелога был крайне трудоемким, требовал огромного количества рабочих рук, которых, как правило, всегда недоставало, поскольку и все прочие операции в крестьянском хозяйстве тоже делались вручную. Так называемая малая крестьянская семья, состоявшая из одной супружеской пары с детьми, при лесных переложных системах земледелия просто не могла бы самостоятельно вести хозяйство, да и с комбинированной системой при большом количестве "запольной" пашни не справилась бы. Требовались более крупные первичные производственные коллективы. Поэтому прежде всего задерживались разделы растущих семей и создавались так называемые неразделенные семьи, состоявшие из нескольких супружеских пар (семьи с женатыми, но не выделившимися сыновьями старшей пары, семьи из нескольких не разделившихся женатых братьев и т.п.). Если семья разрасталась сверх определенного предела, из нее начинали выделяться отдельные пары. Вследствие такой динамики крестьянских семей население каждой усадьбы то возрастало, то сокращалось, как бы пульсировало. А в каждой общине всегда имелись семьи разного размера, как малые, недавно выделившиеся, так и неразделенные, находившиеся на разных стадиях развития и достигавшие нередко нескольких десятков человек. Но каждая малая семья стремилась как можно скорее стать неразделенной, чтобы получить достаточное количество рабочих рук.

Но такой способ увеличения производственных коллективов не всегда достигал цели. Не всякой супружеской паре удавалось родить и вырастить нужное число детей, иногда по состоянию собственного здоровья, а главное вследствие чудовищной, по современным понятиям, детской смертности. Даже в 1870-х гг., когда только что орга-

низованная земская медицинская служба впервые начала интересоваться этим вопросом, детская смертность у крестьян считалась ненормально высокой лишь в тех случаях, когда выживал в среднем менее чем один из четырех детей. А что могло быть в XУI в.,когда и оспу не прививали, и вообще никакой медицины не было, и когда при частых неурожаях, падежах скота и прочих бедствиях крестьяне, и прежде всего дети, просто мерли с голоду? Поэтому пускали в ход любые способы увеличения количества рабочих рук. Пристраивали в семьи на правах приемышей любых родственных и неродственных детей, почему либо оставшихся одинокими. Включали в семьи и неродственных взрослых на правах бобылей, захребетников, подсуседников и т. п.,различавшихся степенью правовой и экономической зависимости.А если в общине недоставало подходящих для этого лиц, то искусственно объединяли две и более дальнеродственных и вовсе не родственных семей. Так и получались упомянутые "складнические" или "договорные" семьи, которые теперь, в соответствии с современным термином "неразделенная семья", называют "сложными неразделенными" или просто "сложными" семьями.

Образование неразделенных и тем более сложных семей имело свои минусы для крестьян. В таких семьях весьма незавидным было правовое положение женщин, возникало много поводов для внутренних конфликтов и т.д. Но в конечном счете создание таких семей было все же выгодно и самим крестьянам, укреплявшим свои хозяйства, и общинам, в которых сокращалось количество недоимщиков по податям, и феодалам, в имениях которых повышалась продуктивность хозяйства. Кстати, такие же сложные семьи образовывались и у черносошных крестьян - предков будущих государственных крестьян, живших на "государевой" земле и не подчиненных феодалам (помещикам, боярам, монастырям и пр.).

Сложную неразделенную семью мы видим и в усадьбе Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. К сожалению, в документе не указано количество людей и супружеских пар в обеих частях этой семьи. В сумме оно было, надо полагать, достаточным для благополучного существования коллектива. Жившие у Шестачки два бобыля, явно не родственные и не владевшие недвижимостью, были, вероятно, из числа обедневших крестьян тех же помещиков.

Об относительном благополучии этой сложной семьи можно кос-

венно судить по тому, что в усадьбе было I0 построек, в то время как в трех других, принадлежавших простым семьям и описанным в том же документе, было 6, 5 и 3 постройки (я одну постройку условно считаем каждый сруб, хотя некоторые из них, как увидим ниже, были пристроены один к другому). В той же местности и в те же годы (I576-I60I гг.) в I7 описанных усадьбах черносошных крестьян было тоже от 3 до 6 построек[7]. Подобные сведения можно было бы привести еще по ряду районов северо-запада и Верхнего Поволжья конца XУI-начала XУП вв.[8]

---

[7] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., I838. С.I96, I98, I99, 20I-202, 203; Архив П.М.Строева // Русская историческая библиотека. Т.2. Пг., I9I5. С.708.

[8] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор...С.I00-I02, II4-II7, I2I-I23.

У С А Д Ь Б А

По той части нынешнего Лужского района, где находится село Белое с окрестностями, мы не нашли в литературе и архивах никаких сведений о крестьянских усадьбах конца XIX–начала XX вв. Лишь в новейшее время, в I960–I980-е гг. при этнографических и архитектурных обследованиях Ленинградской области был затронут и Лужский район, где определены в общих чертах типы усадеб сельского населения[9]. Но это уже не крестьянские усадьбы, а усадьбы колхозников и совхозных рабочих, большей частью построенные заново после опустошения местности в минувшую войну, или в лучшем случае, восстановленные после сильных повреждений и более или менее измененные.

Если учесть сведения о соседних районах Ленинградской и Новгородской областей, то можно считать наиболее вероятным, что в интересующей нас местности в конце XIX–начале XX вв. преобладали крестьянские усадьбы с одноэтажными крытыми дворами и встречались также усадьбы с открытыми дворами [10]. Что же такое усадьбы с крытыми и открытыми дворами?

В конце прошлого и начале нынешнего века во всей лесной зоне Европейской России крестьянская усадьба представляла собой, как правило, прямоугольный участок земли, вытянутый полосой перпендикулярно деревенской улице. Эта полоса состояла из трех частей: у улицы находился двор – участок с жилыми и большей частью хозяйственных построек; за двором – огород, в составе которого мог быть и сад; за огородом – огуменник (гуменник) – участок, на котором хранился и проходил первичную обработку урожай зерновых культур и имелись необходимые для этого постройки, – огневые снопосушильни (овины, риги), сараи, навесы и пр.

В усадьбе с крытым двором часть дворового участка, не занятая жилым домом, была полностью или почти полностью занята пристроенной к дому крупной хозяйственной постройкой. Она имела внизу несколько помещений для зимнего стойлового содержания скота, а над

---

[9] Андреева Л.В. Крестьянское жилище Ленинградской области (предварительные выводы)//Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., I977. С.I69–I75; Ушаков П.В. Жилище русских крестьян Петербургской губернии конца XIX–начала XX вв.//Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., I989. С.I40–I53.

[10] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.I20–I2I, I24–I25.

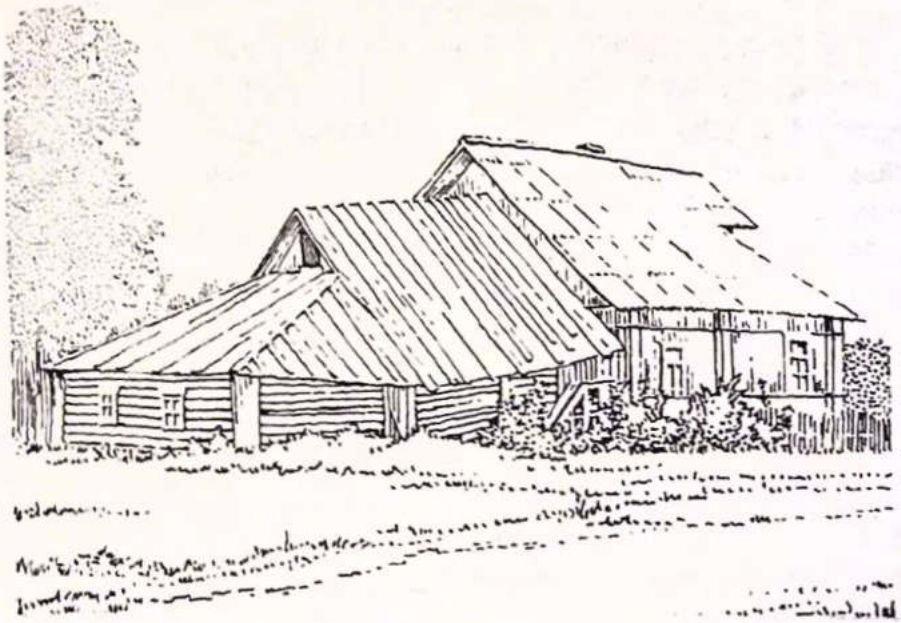


Рис.I. Крестьянская усадьба с одноэтажным крытым двором. Конец XIX-начало XX вв.

ними - сенохранилище, откуда сено сбрасывали в стойла через отверстия в перекрытии. Это и был крытый двор. В исследуемой местности крытые дворы были одноэтажные, с сенохранилищем только на чердаке. В восточных частях Петербургской губернии и далее на всем севере Европейской России крытые дворы были двухэтажными, с сенохранилищем, занимавшим целый второй этаж с чердаком над ним, но в центральной части Новгородской губернии таких дворов не было. К югу и юго-западу от Новгородской земли крытые дворы были только одноэтажными [II].

В усадьбе с открытым двором большая часть дворового участка была непокрытой, а жилые и хозяйственные постройки стояли разрозненно. На северо-западе Европейской России усадьбы с открытыми дворами встречались реже, чем с крытыми. Был известен в основном лишь один вариант такого двора, с домом вдоль одной боковой стороны двора, хозяйственными постройками вдоль другой боковой и задней сторон и воротами со стороны улицы. Много других вариантов усадеб с открытыми дворами существовало в более южных частях Европейской России.

II Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор... С.8-II. Рис.1-7.

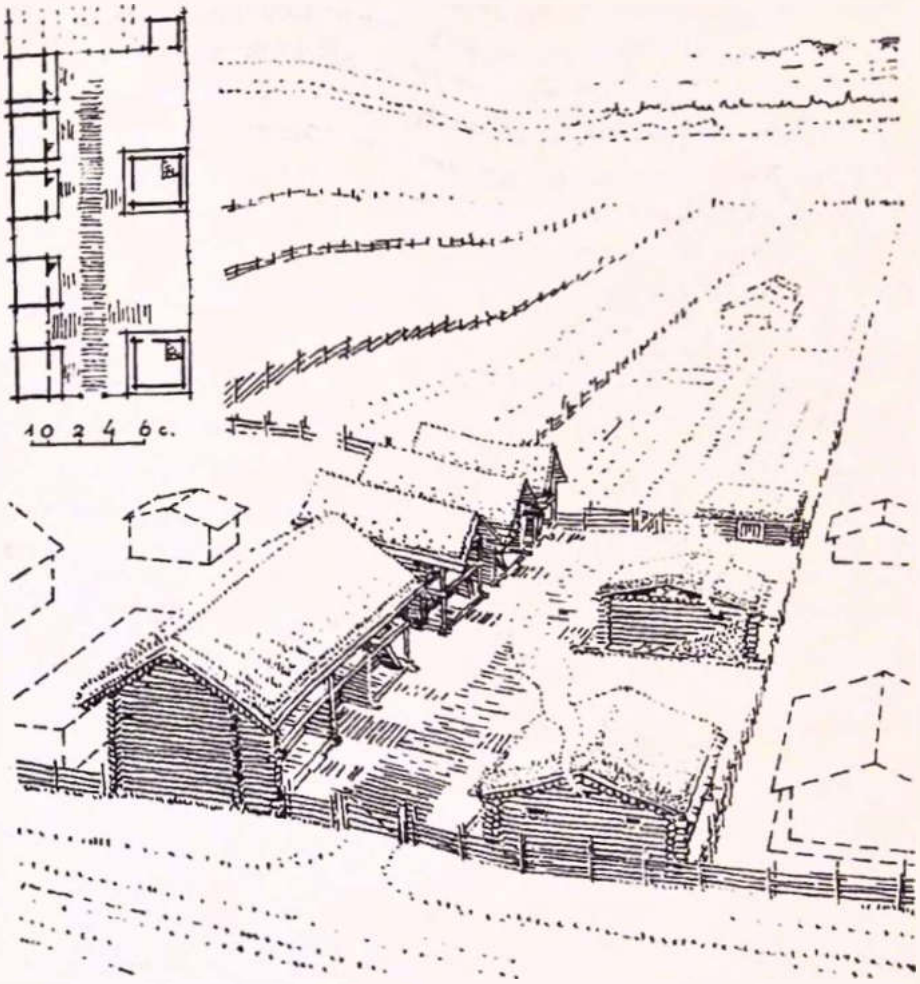


Рис.2. Усадьба крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Реконструкция по документу 1584 г.

На рис.1 и 2 показаны общий вид усадьбы с одноэтажным крытым двором конца XIX или начала XX вв. в Ямбургском уезде Петербургской губернии (за неимением аналогичного снимка по Лужскому уезду)[12] и выполненная нами по документу реконструкция [13] усадьбы Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Разница, как видим, очень

[12] Рисунок по фотоснимку из статьи: Ушаков Н.В. Жилище русских крестьян... С.148. Рис.6. Снимок 1980-х гг. (асбошиферная и рубероидная кровли дома и двора, конечно, новые).

[13] Под словом "реконструкция" историки понимают не изменение или переделку, а восстановление первоначального облика изучаемого объекта.

большая. Ничего похожего на крытый двор в усадьбе Неудачки и Шестачки не видно. На участке стоят разрозненные постройки непонятного для наших современников вида и назначения. Попробуем объяснить, почему мы представляем себе эту усадьбу именно так.

Дворовый участок был в долевом владении, упомянуты "половины" обоих владельцев. Ограда не описана, но ее наличие видно из упоминаний о воротах и "лазее" для прохода на огород. Отсутствие упоминаний об изгороди говорит о том, что она имела наиболее обычную для данной местности конструкцию. Вообще в деловой письменности того времени в описаниях усадеб и построек,как правило, тщательно перечисляли сравнительно редкие и дорогие конструкции, а самые повседневные и дешевые часто вовсе не упоминали. Так, всегда отмечали тыны (ограды из стоячих бревен,врытых в землю) и заборы или заметы (изгороди из лежачих бревен или досок,заложенных в пазы врытых в землю столбов). Но почти не упоминали легкие жердяные изгороди и плетни, хотя именно эти виды оград были самыми распространенными. В данном случае двор был обнесен, скорее всего,изгородью из лежачих жердей на кольях ("в прясло жердьми"),по сей день самой обычной в лесной зоне Европейской России. Ворота были, вероятно, простейшие одностворчатые, в виде рамы из жердей. Было известно и много гораздо более сложных форм ворот на толстых столбах-вереях, двухстворчатых, с калитками, навесами и т.д., но они применялись при более капитальных оградах (обычно не у крестьян) и подробно описывались.

Шестачкин "наземно хлевец" - небольшой хлев с полом на уровне земли - стоял "ту то же" близ шестачкиной избы "на огороди", из чего видно, что шестачкина изба стояла близ огородной стороны двора, чего не сказано о неудачкиной избе. Отсюда можно понять, что неудачкина изба стояла ближе к уличной стороне двора. Значит,двор был настолько узок, что обе избы не помещались рядом у улицы и одна стояла позади другой. Вырисовывается дворовый участок, вытянутый узкой полосой перпендикулярно улице. Сейчас это обычная для всей лесной зоны форма дворового участка, но в XУI в. такие участки у крестьян встречались нечасто. Тогда они были более характерны для городов, особенно для их центральных, наиболее плотно застроенных кварталов, у крестьян же это был признак относительно крупного многоусадебного селения, каковым,очевидно, и было Белое. Но преобладали обычные для погостной системы расселения мелкие

деревни в I или 2-3 двора, где улицы не требовались, а просторные дворовые участки могли иметь разнообразные очертания.

В документе упомянут огород, в который вела со двора "лазея" - по-видимому, калитка или небольшой завор (прясло изгороди со свободно лежащими вынимающимися жердями). При уличной форме селения огород мог примыкать только к задней стороне двора. Упомянут также овин - огневая сушильня, об устройстве которой скажем ниже. Значит, имелся огуменник, на котором должен был стоять овин, и располагаться огуменник мог только позади огорода (см.выше).Мы видим обычное и для последующих времен трехчастное строение крестьянского усадебного участка: двор, огород и огуменник. Ширина двора и всего участка усадьбы не указана, но ее можно приблизительно определить. Если две избы и за ними еще "хлевец" стояли в ряд перпендикулярно улице, а участок был так узок, что их нельзя было поставить иначе, то для остальных перечисленных в документе построек - клетей - трудно представить себе другое место, кроме как в один ряд параллельно ряду изб. Значит, постройки стояли двумя рядами вдоль боковых сторон двора.

Ниже мы объясним устройство изб и клетей, сейчас заметим только, что те и другие имели срубные стены. А нормальный сруб в лесной зоне Европейской России имел практически почти стандартный размер 3х3 сажени (I сажень около 2,I м), потому что 3 сажени - оптимальная длина соснового или елового бревна. Более длинные бревна вызывали много технологических и транспортных осложнений и потому применялись для церквей, крепостей, хором богатых феодалов и других уникальных построек, но редко в обычном, массовом строительстве усадеб крестьян или мелких горожан.

Расстояние между обоими рядами построек должно было быть достаточным для проезда телеги и еще с некоторым запасом. Прибавим к общей ширине двора еще не менее сажени на свесы крыш построек,так как вода с крыши не должна была течь на участок соседа (впоследствии, в XVII в. это было даже специально запрещено законом). Так получается общая ширина дворового участка около I0-II сажен (2I-23 м), что и показано на нашем рис.2. Аналогично рассчитывается и длина дворового участка.

Мы расположили избы в правом ряду, если смотреть с улицы, а клети - в левом. Не менее возможно и противоположное, зеркально-симметричное расположение. Вообще при реконструкции по документам русских средневековых усадеб определение "правого" и "левого" вариантов обычно невозможно, если нет дополнительных данных (чертежей, описаний соседних усадеб и т.п.). Думаем, что это не должно помешать нашему исследованию. Нам важно выявить тип усадьбы, показать, как она вообще могла быть устроена.

К Л Е Т Ь

На передней, неудачкиной половине двора рядом с избой, по другую сторону ворот (на рис.2 – слева) стояло, согласно документу, двухэтажное сооружение с несколькими отделениями. В его концах находились две клети на хлевах, а между ними – два "пристинца" один над другим, причем нижний был в то же время "хлевцем". Выражение "меж клетей пристинец" означает, что последний был пристроен к обеим клетям, то есть связывал их между собой. Слова "между","меж","промеж" в описаниях употреблялись постоянно и означали именно встраивание какой-то постройки между двух соседних. Например, стандартное выражение "изба, клеть, промеж ими сени", в то время характерное для хором феодалов и отчасти горожан, означало, что сени встроены между избой и клетью. Поэтому мы изобразили все эти клети и "пристинцы" как одну постройку под общей крышей.

На задней, шестачкиной половине двора находились "три клете, да под ними два хлева, да мшаник". Слово "между" отсутствует. Так было принято перечислять отдельно стоящие постройки, конструктивно не связанные между собой, хотя они могли стоять рядом, так близко друг к другу, как только позволяли свесы крыш. В данном случае нехватает места расставить их дальше одну от другой.

Что значит слово "клеть"? Помещения под этим названием постоянно упоминаются в описаниях усадеб XVI–XVII вв., не только крестьянских. По мнению И.Е.Забелина слово "клеть" означало вообще всякий сруб [14]. Как уже сказано, общие положения И.Е.Забелина о крестьянских усадьбах были приняты историками некритически и до сих пор находят последователей. Такое же гипнотическое действие оказало на исследователей и забелинское объяснение слова "клеть". До сих пор этнографы, историки архитектуры, археологи и другие, говоря о русских деревянных постройках, сплошь да рядом называют клетью и сруб избы, и сруб хлева, и сруб деревянной церкви, и засыпанный землей сруб в основании крепостного земляного вала и еще многое другое. Но это, при всем авторитете И.Е.Забелина, неверно.

Во всех средневековых письменных источниках, как использованных И.Е.Забелиным, так и опубликованных позже, а также во всех этнографических описаниях XIX–начала XX вв. слово "клеть" вполне

[14] Забелин И.Е. Домашний быт... С.20–21,27.

однозначно означало помещение первоначально складское, а если ставшее впоследствии жилым, то обязательно неотапливаемое, но ни в коем случае не жилое с отоплением, не животноводческое, не церковное и не какое-либо иное. Вместе с тем в южной половине Европейской России клети могли быть не обязательно срубными, но иметь стены заборные, плетневые с глиняной обмазкой или без таковой и т.д.

Такое же значение имело слово "клеть" и у многих других народов, славянских и неславянских, знавших его с небольшими вариациями: немецкое "klete", польское "klec", литовское "kletis", латышское "klēts", белорусское "клець", украинское "клiть", марийское "клат", татарское и башкирское "кэлет". У некоторых из этих народов и еще у ряда других имелись постройки или помещения под другими названиями, но точно той же формы, что и постройки типа клети, и везде они были тоже либо какими-то хранилищами, либо неотапливаемым жилищем, но не чем-либо другим, и их названия отнюдь не обозначали любой сруб. Таковы были у шведов и норвежцев простейшие варианты таких построек "bur", более сложные "loft", "lopt"; у финнов "aitta", более сложные "luhti"; у эстонцев и карел "ait"; у литовцев, наряду с "kletis", также "swirnas"; у русских, кроме слова "клеть", в лесной зоне бытовало также слово "сенник", а южнее - "пуня" и ряд других; у марийцев, наряду с "клат", также "пултур"; у чуваш "палтар"; у мордвы "утомо"; у удмуртов "кенос".

Постройки этого типа в лесной зоне у всех народов и под всеми названиями проходили одну и ту же эволюцию, только в одних местах раньше, в других позже. Первый этап этой эволюции восходит еще к весьма древним временам, к эпохе преобладания охотничьего и рыболовного хозяйства. Тогда появилась очень небольшая срубная постройка на высоких столбах, которая стояла в лесу на охотничьей тропе и служила хранилищем продовольствия и добычи. Она развилась из еще более примитивного хранилища - открытого помоста на столбах, служившего для той же цели (эта эволюция особенно ясно прослеживается у саамов - народа, сохранившего много древнейших деталей в формах построек). У русских слово "клетка" в значении такого охотничьего срубного хранилища еще употреблялось в XУI в., поскольку таежная охота на тропах-"путиках" на много веков пережила эпоху охотничье-рыболовного хозяйства и сохранялась у крестьян-земледельцев в качестве зимнего промысла, со всем ее оборудованием и соответствующей терминологией. На Севере эта охота дожила у русских и до конца XIX-начала XX вв., только срубное хранилище на столбах стало называться "ла́баз" (слово, по-видимому, древнего славянского или балтского происхождения).

Второй этап эволюции клети - хранилище для зерна в крестьян-

ской усадьбе. Был использован тип охотничьего срубного хранилища, но постройка стала крупнее, массивнее и не на столь высоких столбах. У русских такое зернохранилище вначале везде называлось по-прежнему клетью, но затем сохранило это название только в отдельных местностях (например,в Псковской губернии), в большинстве же мест стало называться сначала "житницей", затем "амбаром".В XУI-XУП вв. употреблялись оба эти слова, позже слово "житница" вышло из употребления, вытесненное словом "амбар".

Это слово - из иранских языков, где слова этого типа - "хамбар", "хамбер" - вначале означали подземное зернохранилище, известное до начала нынешнего столетия и у русских в степной и лесостепной зонах под названием зерновой ямы; видимо, слово было перенесено на наземное срубное зернохранилище в связи с перемещением каких-то степных жителей в лесную зону, где зерновые ямы оказались непригодны из-за высокого уровня грунтовой воды.

Третий этап развития клети - неотапливаемая кладовая-спальня для отдельной супружеской пары в усадьбе неразделенной крестьянской семьи. Мы уже объяснили, что такое неразделенная, в том числе и сложная семья. У русских, как и у всех других крестьян Восточной Европы и соседних стран, жилище неразделенной крестьянской семьи было организовано не так, как в усадьбах малых семей в конце XIX-начале XX вв. Изба - помещение с хлебопекарной печью - там не была единственным и главным жилищем. В избе вся неразделенная семья собиралась лишь для совместной еды и для некоторых общих работ в зимнее время (прядение и т.п.). Спали в избе зимой обычно только старики, больные, иногда (и то не всегда) матери с грудными детьми, а летом там нередко и вовсе никто не спал.В основном же изба была более хозяйственным, чем жилым помещением. Что именно там делали - скажем ниже. Основным же жилищем для большей части членов неразделенной семьи служили неотапливаемые постройки типа клетей, каждая из которых была спальней супружеской пары и кладовой для ее личного имущества (главным образом одежды). В таком значении слово "клеть" употреблялось у русских крестьян до тех пор пока существовали неразделенные семьи. Неотапливаемые спальни в условиях восточноевропейского климата могут показаться невероятными современным горожанам, но о существовании такой организации жилища свидетельствует очень большое количество этнографических материалов конца XIX-начала XX вв. и более ранних письменных источников по всей полосе от Норвегии до Урала. Наши предки были выносливее нас.

Как уже сказано, в каждом селении наряду с неразделенными семьями имелись и малые семьи, вследствие непрерывного превращения малых семей в неразделенные и наоборот. Но это не значит, что кладовые-спальни имелись только у неразделенных семей. Так бывало на юге Европейской России, где из-за недостатка строительного леса клети были мелкие, часто из недолговечных материалов, так что срок службы такой постройки в среднем был близок ко времени существования супружеской пары в составе неразделенной семьи. Но в лесной зоне срубные клети были более солидны и долговечны, поэтому часто бывало, что в усадьбе, где семья находилась в стадии сокращения, кладовые-спальни освобождались, будучи еще вполне пригодными. Их сохраняли с расчетом на то, что они пригодятся, когда семья начнет вновь расти. Временно освобождавшиеся клети часто использовались как кладовые-спальни для взрослых дочерей хозяина до их выхода замуж. Поэтому в лесной зоне клети обычно имелись в усадьбах как неразделенных, так и малых семей, кроме только что выделившихся молодых семей, еще не успевших построить клети.

Вся эволюция от охотничьей "клетки"-"лабаза" до клети- кладовой-спальни у русских и такая же эволюция у других народов под другими названиями в общем хорошо изучена. Во-первых, у некоторых групп населения она происходила относительно поздно и наблюдалась этнографами прямо в натуре в XIX-начале XX вв. Во-вторых, в тех случаях, когда этнографы уже не застали этот процесс, многие его следы остались в формах построек и в связанных с этими постройками обычаях.

Например, охотничья "клетка"-"лабаз" ставилась на высокие столбы, часто выше роста человека, для защиты сохраняемого продовольствия от грабивших эти хранилища животных - мелких грызунов, россомах, медведей. Охотник забирался в такое хранилище по приставной лестнице. Для удобства пользования лестницей устраивали перед дверью выступающую лестничную площадку, а над ней нередко еще и овес крыши для защиты от снега и обледенения. У клети-зернохранилища столбы стали ниже, приставная лестница уже не требовалась, но площадка перед дверью не только не исчезла, а развилась в целую галерею - "приклет", нередко с перилами и навесом на резных столбах, и превратилась в украшение. Это обычное явление в крестьянском зодчестве всех времен и народов: чисто техническая деталь в ходе развития типа постройки становится ненужной, но сох-

раняется по традиции как элемент украшения, хотя ее первоначальное назначение давно забыто.

Другая деталь досталась кладовой-спальне в наследство уже не от охотничьей "клетки", а от зернохранилища. Поскольку с появлением кладовых-спален потребность в зернохранилищах не исчезла, в усадьбе сохранился, наряду с кладовыми-спальнями, и зерновой амбар. В него были перенесены из клети сусеки и закрома - большие ящики для зерна, приделанные к стенам. Но в клети, превращенной в кладовую-спальню, все же сохранился один маленький сусек, в котором держали немного зерна. Это был уцелевший еще от языческих верований символ плодородия "на счастье" спавшим там супругам. Вместо сусека могли стоять кадка, берестяной короб или иная емкость с зерном, тоже применявшиеся в зерновых амбарах.

Кладовая-спальня, образовавшаяся из зернохранилища, продолжала развиваться. Сначала она внешне не отличалась от зернохранилища, только внутри появились нары или кровати, да дверной замок стали делать запирающимся не только снаружи, но и изнутри. Затем кладовую-спальню стали делать двухэтажной. Кладовая была внизу, спальня - наверху, но вход в кладовую делали сверху, из спальни, по внутренней лестнице. А чтобы снаружи попадать в верхний этаж, галерею сделали двухэтажной, с лестницей, так что из декоративной галерея стала снова конструктивной, но уже с другим назначением. Это было приспособление для обороны от грабителей.

В средние века это было актуально во всех странах и у всех народов. При частых войнах войска, не только чужие, но и свои нещадно грабили прежде всего крестьян. Феодалы, особенно мелкие и мельчайшие, грабили друг друга и опять-таки крестьян. Всех грабили разбойники разного рода. Да и сами крестьяне за недостатком крепкой власти разрешали свои споры нередко "кольем и дубьем", с взаимным грабежом. В России такая ситуация существовала до конца XVIII в., так что, например, сюжет повести А.С.Пушкина "Дубровский" мог быть "списан с натуры".

Не лучше было и в других странах. В Швеции и Финляндии сохраняются в парках-музеях под открытым небом двухэтажные кладовые-спальни "loft", "luntti", имеющие массивные глухие парапеты-брустверы на галереях, нередко и бойницы в стенах, как на крепостных башнях. Было трудно пробиться в кладовую через занятый защитниками усадьбы второй этаж, имевший оборонительные приспособления, а учинять поджог не имело смысла, так как сгорело бы добро, ради которого предпринимался грабеж. От грабителей защищала и крыша, устроенная по сплошному настилу из бревен (о крышах см.ниже).

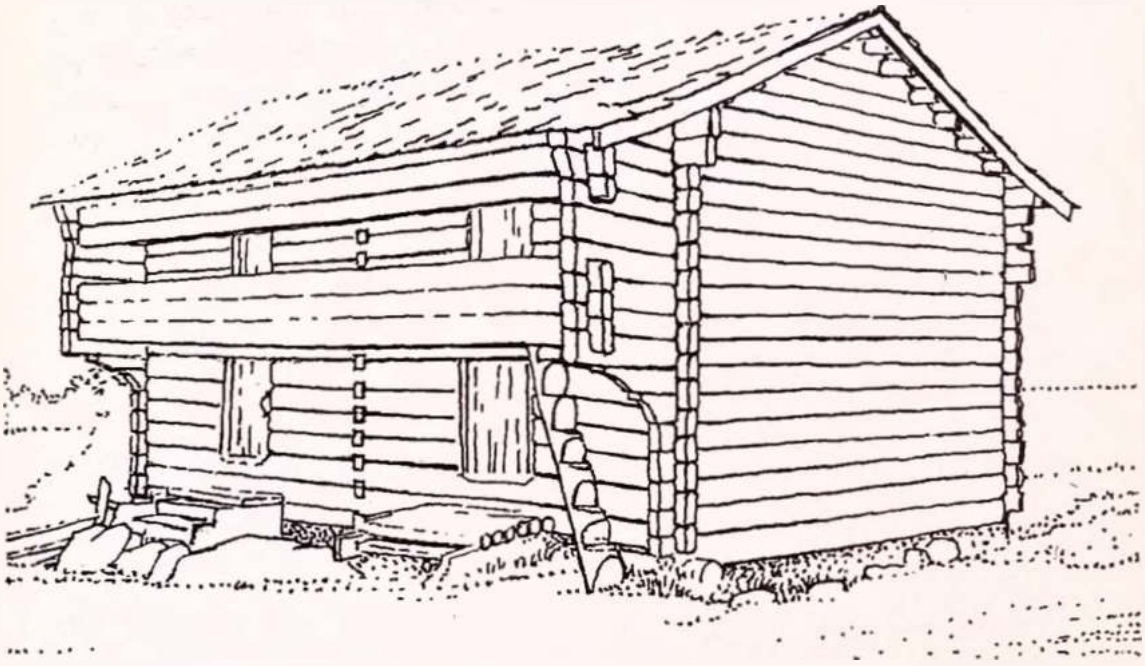


Рис.3. Финская кладовая-спальня " luhti". XIX в.

По мере развития кладовой-спальни улучшалось ее внутреннее устройство. Хотя она оставалась неотапливаемой, в ней появлялись небольшие осветительные окна; встроенные кровати и другие детали украшались резьбой и росписью; разноцветное праздничное платье висело на жердях, укрепленных вдоль стен; сундуки, короба и кадки с разным добром тоже бывали расписаны. Этого никто не описал у русских крестьян, но все это не раз описано, зарисовано и сфотографировано как у западных, так и у восточных соседей русских, и потому не видим оснований сомневаться, что нечто подобное было и у русских, только исчезло у них в лесной зоне, вместе с неразделенными семьями, всего лишь на полстолетия, самое большее - на столетие раньше, чем у других народов. Впрочем, и у русских на юге Европейской России кладовые-спальни существовали местами до 1920-х гг., только в более скромных, бедняцких вариантах, чем в лесной зоне.

Далее, поскольку неразделенной семье обычно требовалась более чем одна кладовая-спальня, стали делать вместо нескольких отдельных построек этого рода одну многокамерную, разделенную перегородками или перерубами (срубными внутренними стенами) на несколько помещений для супружеских пар, под общей крышей. Если постройка была двухэтажная, она получала общую для всех отделений галерею

вдоль длинной стороны, с общей же лестницей. Характерные двух- или трехкамерные, иногда и более сложные постройки этого рода существовали до конца XIX в. у многих народов, в том числе у шведов, финнов, литовцев, латышей, марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, татар. Только помещения нижних этажей имели уже вход прямо снаружи, не через верх, в связи с исчезновением военной угрозы. На рис.3 - финская " luhti" подобного типа, с оборонительным бруствером вдоль галереи [15].

Читатели чувствуют, что мы приближаемся к объяснению назначения двухэтажных построек, показанных на нашем рис.2. Но мы объяснили еще не все. Почему в этих постройках под клетями оказались не складские помещения, а хлевы и мшаник? И что это за двухъярусный "пристинец", встроенный между клетями?

Выше сказано, что русские кладовые-спальни имели, кроме названия "клеть", еще название "сенник". Примерно к северу от широты Москвы, то есть почти во всей лесной зоне, кроме только ее южной окраины и некоторых районов Севера, в конце XIX-начале XXвв. слова "клеть" и "сенник" были синонимами и означали одно и то же - кладовую-спальню. В одних уездах бытовал какой-нибудь один из этих терминов, в других - сразу оба, но помещения, к которым они относились, не различались практически ничем. Только на архангельском и вологодском Севере слово "сенник" местами, хотя не везде, означало не кладовую-спальню, а второй этаж крытого двора или некоторую часть этого второго этажа.

Прослеживая по документам развитие построек под названиями "клеть" и "сенник" с XVI в., мы обнаружили, что вначале это были постройки разного назначения. Сенником называлась двухэтажная срубная постройка, в которой верхний этаж был хранилищем для сена, а нижний - помещением для скота, куда сено сбрасывали через люк в перекрытии. Эта постройка могла развиваться либо из наземного срубного хлева, над которым сначала устраивался сеновал на чердаке, а затем этот чердак разрастался до размеров второго этажа; либо из срубного сенного сарая на высоких столбах, под которым сначала было место для скота, огороженное с боков лишь изгородями, а затем эти изгороди заменялись заборными и, наконец, срубными сте-

---

[15] Рисунок по фотоснимку из кн.: Vuorela T. Etelä-pohjonmaan kansanrakennukset // Kyrönmaa.6. Helsinki, 1961. S.110. K.81.

нами. По-видимому, развитие шло обоими путями с образованием в итоге одной и той же постройки. В дальнейшем в усадьбе неразделенной семьи сенохранилище стали использовать как дополнительные спальни для супружеских пар (спанье на сеновале – и сейчас не редкость).

Так постепенно произошло разделение одного типа постройки на два: одни сенники остались просто сенохранилищами, а другие окончательно превратились в кладовые-спальни, утратив все отличия от клетей, но сохранив название "сенник" и расположение над помещениями для скота. Завершилась эта эволюция тем, что крестьяне стали нередко смешивать названия "клеть" и "сенник", относившиеся к совершенно одинаковым помещениям. Так появились кладовые-спальни над амбарами, называвшиеся сенниками, и, наоборот, кладовые-спальни над помещениями для скота, которые назывались клетями. Именно последнее мы и видим во дворе Неудачки и Шестачки: клетями названы кладовые-спальни, развившиеся на основе сенников-сенохранилищ, но утратившие отличия от клетей.

Эволюция шла не везде одновременно. Так, в Тверском Поволжье по документам XVI в. еще заметны некоторые различия между клетями и сенниками, но в конце XVII в. и позже различий уже не видно. А на Новгородской земле то же самое произошло несколько раньше, и уже в конце XVI в. разница между клетью и сенником стерлась [16].

Интересно, что в Верхнем Поволжье во второй половине XIX в. термин "сенник" начал превращаться в "сельник". По-видимому, название помещения, ставшего чисто жилым, хотя и неотапливаемым, и утратившего связь с хранением сена, стало напоминать крестьянам уже не слово "сено", а слова "селиться", "населять". А на Новгородской земле это название видно уже в те годы, когда была описана усадьба Неудачки и Шестачки. В упомянутых описаниях усадеб черносошных крестьян в той же местности встречаются обе формы термина – "сенник" и "сельник".

Что касается употребления слова "сенник" на Севере применительно ко второму этажу крытого двора, то это объясняется происхождением и развитием такого двора, описанным в нашей специальной работе [17]. Не разбираем здесь всю эту эволюцию, не имеющую прямого отношения к центральной части Новгородской земли. Заметим только, что двухэтажный крытый двор начал формироваться в конце XVI в. в районе Архангельска и Холмогор путем постепенного соединения нескольких хозяйственных построек, первоначально отдельных, между собой и с жилым домом. Отдельные постройки как бы сраста-

---

[16] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.I04–I06, II6, I24, I38–I39.

[17] Там же. С.I30–I77, I80.

лись, втягиваясь под общую крышу. В числе этих построек были и сенники на хлевах, причем хлева входили в первый этаж крытого двора, а сенники - во второй. Поэтому название "сенник" иногда сохранялось за той частью второго этажа, которая образовалась именно из сенника, или даже распространялось на весь второй этаж крытого двора. Впрочем, в ряде районов Севера этот второй этаж назывался и иначе, например "поветь", "сарай". В районе села Белого в конце XVI в. термин "сенник" в значении сенохранилище над хлевом еще не окончательно исчез. В том же документе в одной из деревень близ села Белого упомянут, в числе прочего,"хлевишко с сенником".

Несколько слов о дальнейшей судьбе кладовых-спален у русских крестьян лесной зоны и о том, почему этот тип постройки мало известен современным этнографам и историкам архитектуры. В лесной зоне кладовые-спальни перестали быть нужны несколько раньше, чем на юге, потому что раньше исчезли неразделенные семьи, - вскоре после крестьянской реформы 1861 г. Размеры семей уменьшались постепенно. Освобождавшиеся клети и сенники, как и раньше, временно отдавались дочерям, но невесты выходили замуж, а новых женатых сыновей, не выделившихся из отцовской семьи, становилось все меньше и потому все больше кладовых-спален оставалось пустыми. Как правило, одну из кладовых-спален еще раньше начинали ставить недалеко от избы, дверь против двери, и встраивали между избой и клетью сени, так что получался обычный для XIX в. трехкамерный дом (у горожан и феодалов известный гораздо раньше). Клеть или сенник в таком доме служили сначала кладовой-спальней для старшей супружеской пары. Потом, по мере благоустройства избы, кладовая-спальня обычно превращалась в чистое, парадное помещение для гостей. Остальные кладовые-спальни, не включенные в состав дома, в течение некоторого времени использовались уже только как летние спальни. Потом старые и ветхие исчезали, а более новые и прочные превращались в зернохранилища, такие же как те, из которых кладовые-спальни некогда развились.

Они и по сей день еще встречаются в усадьбах сельских жителей или на улицах и на окраинах селений, куда они вынесены по противопожарным соображениям. Но их нынешние владельцы уже называют их только амбарами и, как общее правило, не помнят, что эти постройки или хотя бы некоторые из них были кладовыми-спальнями. Лишь историк может заметить и нары или кровати внутри или следы от их ножек, некогда врубленных в пол, и горизонтальные жерди вдоль стен, на которые вешалось платье, и небольшие, но все же

осветительные окна, и запирающийся изнутри замок, и ненужный для зернового амбара сильно развитый "приклет"-галерею, - детали, характерные для кладовых-спален. Да и самая традиция, свойственная многим народам, строить эти "амбары" не менее и часто более капитальными, долговечными, чем жилые дома, да притом еще украшать их резьбой или, по крайней мере, находить для них тщательно выверенные пропорции, приводящие в восторг современных архитекторов, - все это говорит о том, что постройки данного типа были в прошлом не просто хозяйственными.

Пережитки былого назначения кладовых-спален долго сохранялись и в использовании амбаров. В амбарах, ставших по преимуществу зернохранилищами, в верхних этажах не сразу перестали спать хотя бы летом и хранить одежду. В неразделенных семьях характерной чертой свадебного обряда было торжественное отведение новобрачных в назначенную им кладовую-спальню, где они затем и жили; а когда кладовых-спален не стало, и молодые уже не оставались в родительской усадьбе, их все-таки еще отправляли хотя бы на первую ночь в амбар, устроенный в бывшей кладовой-спальне.

Мы объяснили все, что касается клетей. Теперь присмотримся внимательнее к хлевам, мшанику и "пристинцам".

ХЛЕВ, МШАНИК, ПРИСТЕН

Слово "хлев" означает утепленное, хотя обычно неотапливаемое помещение для зимнего стойлового содержания скота. Стойловым считается содержание при таких температурах, при которых навоз под ногами скота не промерзает или обмерзает лишь сверху, с поверхности. При разложении навоза выделяется тепло, поэтому слой навоза на полу может промерзнуть насквозь лишь при температуре на несколько градусов ниже нуля. Следовательно, называть хлев утепленным помещением можно лишь с оговоркой, что вообще температура воздуха в нем может быть нулевой и даже минусовой, лишь бы только не промерзал навоз. Поддержанию такой температуры в зимнее время способствуют хорошо утепленные стены и перекрытия, плотно закрывающиеся двери, а также тепло, выделяемое самими животными.

Современному читателю, особенно горожанину, может показаться странным, что мы, определяя понятия "хлев" и "стойловое содержание", начинаем говорить о защите от замерзания навоза, а не самого скота. Да, в наше время это выглядит странно, ибо современный породистый скот не выдерживает мороза и зимой должен стоять в помещениях с плюсовой температурой, в то время как навоз выгребают в течение всей зимы в открытый двор и там сваливают в кучи, мало заботясь о том, промерзает он или нет. Но сейчас навоз является не единственным средством удобрения полей, нередко его и вовсе не употребляют, пользуясь разными искусственными удобрениями промышленного производства. Да навоза и мало для удобрения всех полей при нынешнем соотношении размеров животноводства и земледелия. К тому же нынешний навоз, полученный на торфяной, а не соломенной подстилке, выгребаемый из колхозных и совхозных хлевов сразу в больших количествах и сгребаемый бульдозерами в многометровые кучи, промерзает в них только с поверхности. Поэтому и не придают большого значения защите навоза от промерзания.

Но ничего подобного не было у крестьян до конца 1920-х-начала 1930-х гг. В среднем крестьянском хозяйстве лесной зоны, где количество голов скота можно было пересчитать по пальцам одной руки, ни о каких многометровых кучах навоза не могло быть и речи. О каких-либо специальных утепленных навозохранилищах крестьяне понятия не имели. Если бы навоз выгребали из хлевов зимой по мере его накопления, получались бы мелкие кучки, немедленно промерзавшие насквозь. А этого-то и нельзя было допускать. В промерзшем

навозе прекращается тот естественный процесс бактериального разложения, который превращает навоз в лучшее удобрение. После оттаивания либо этот процесс возобновляется с опозданием, вследствие чего на поле попадает навоз, еще не достигший нужного качества, либо начинается уже другой процесс разложения, вызываемый не бактериями, а особыми грибами, при котором не только не получается нужных для растений химических веществ, а наоборот, образуются вредные вещества.

Разумеется, крестьяне не знали всей этой агрохимии, но они из своего многовекового опыта знали: от промерзшего навоза на полях так мало пользы, что не окупаются затраты на вывозку этого навоза на поля. А эта вывозка была для крестьянина крайне обременительна при одной лошади, плохих дорогах и мелких телегах. В XУI–XУII вв. в малонаселенных лесных районах у небогатых крестьян и телеги-то могло не быть, возили навоз зимой и весной на санях или в ящиках, поставленных на "волокуши" – пары жердей, прицепленных к лошади. Негодный промерзший навоз предпочитали сваливать в овраги и реки, мостили им дороги, в лучшем случае вывозили лишь на расположенные позади дворов огороды и конопляники.

Хорошего навоза, необходимого для удобрения ближних, "удворных" полей, крестьянин мог получить лишь столько, сколько его накапливалось за зиму в утепленных стойлах, и не более того. Вот зачем прежде всего были нужны утепленные хлевы, а не для создания комфортных условий для скота, который у наших крестьян не только в XУI в., но и много позже был гораздо более вынослив к низким температурам, чем это могут себе представить современные горожане. Животные обрастали длинной шерстью и могли зимовать во дворах даже просто под открытым небом, а тем более под навесами, открытыми с боков. О том, что это действительно возможно, свидетельствует повсеместное бытование до недавнего времени такого бесстойлового зимнего содержания скота, например, в Сибири, в климате более суровом, чем в Европейской России. Мохнатые коровы на снегу там еще недавно были обычны для деревенского пейзажа.

Иное дело, что при таком бесстойловом содержании скот был мелким, обеспечивал мясом и молоком лишь потребности самой крестьянской семьи. Но большего и не требовалось в лесной зоне, где рынки сбыта для товарного животноводства были невелики. Городское население, которое даже в конце XIX в. составляло лишь 10% населения

страны, в значительной степени удовлетворяло свои потребности в животноводческой продукции собственным скотоводством жителей мелких городов и привозом из степной зоны. Вообще крестьянское животноводство в лесной зоне России было по основному своему направлению не мясным и не молочным, а навозным, за исключением лишь немногих районов, главным образом пригородных. Скотоводство существовало прежде всего ради земледелия.

В усадьбе Неудачки и Шестачки мы видим сразу пять хлевов, четыре в нижних этажах двухэтажных построек и еще один отдельный у Шестачки, не говоря пока о "хлевце-пристинце" и "мшанике", о которых речь будет ниже. Видимо, четыре хлева под клетями имели размеры, как и клети, не менее чем 3х2,5 сажени каждый, если учесть, что они, скорее всего, должны были вписываться в стандартные квадраты срубов 3х3 сажени за вычетом ширины галереи. В каждом из таких хлевов могло содержаться не менее трех голов крупного скота или еще больше мелкого, да еще сколько-то скота помещалось в шестачкином отдельном "наземном хлевце", по площади несколько меньшем, судя по уменьшительной форме названия. Заметим, что отсутствие специальных конюшен не означает, что не было лошадей. Последних крестьяне обычно держали в тех же хлевах, что и коров, а конюшни имелись в основном лишь в усадьбах феодалов и некоторых особых групп сельского населения, обязанных нести ту или иную службу на своих лошадях, например у ямщиков.

Мы не знаем размеров семей Неудачки и Шестачки, можем лишь догадываться, что каждая из них была меньше среднего размера, иначе не стоило бы их объединять, но обе семьи вместе (с бобылями) были многолюднее средней для того времени семьи, что и подтверждается количеством построек (см.выше). Но количество скота у этой объединенной семьи, определяемое по количеству и размерам хлевов, было большим даже по нормам XIX в. И его продуктивность была не минимальная, поскольку он весь или почти весь был на стойловом содержании. Мясом и молоком эта сложная неразделенная семья была, очевидно, обеспечена. Но как оценить, много это было или мало с точки зрения земледелия?

По нормам конца XIX-начала XX вв. для паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом требовалось в среднем около 720 пудов навоза лучшего качества в год на одну десятину пашни. Столько навоза можно было получить примерно из трех обычных трех-

саженных хлевов [18]. Значит, Неудачка и Шестачка вместе получали навоза несколько больше, допустим, десятины на полторы "удворной" трехпольной пашни. Мы не знаем, сколько всего десятин пашни имели Неудачка с Шестачкой, но знаем из многотомного исследования большой группы историков-аграрников под руководством А.Л.Шапиро, что в конце XУI в. на Северо-Западе крестьянин имел в среднем, по-видимому, около 9-I0 десятин пашни, учтенной переписями, то есть "удворной" [19]. Неудачка с Шестачкой, возможно, имели больше. Значит, даже относительно зажиточное хозяйство Неудачки и Шестачки заведомо не удобряло официально числившуюся за ними "удворную" пашню так, как это было нужно для паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом.

Одно из двух: либо удобряли как следует I-I,5 десятины, а на остальной ближней пашне применяли перелоги, либо удобряли всю "удворную" пашню, но совершенно недостаточно, тем самым лишь оттягивая, но отнюдь не предотвращая ее истощение и, в конце концов, полный выход из строя. Второе более вероятно, ибо если бы на "удворной" пашне, состоявшей на учете, применялись перелоги, то это было бы отмечено в переписях. На самом деле в них действительно отмечались такие случаи, но очень редко. Так или иначе, в любом случае невозможно было обойтись без "запольной" лесной пашни, высокоурожайной и не требовавшей навоза.

Если так, то что же можно сказать о подавляющей массе тех обычных, средних крестьянских семей, на фоне которых сложная семья Неудачки и Шестачки выделялась сравнительным благополучием? В центре Новгородской земли в конце XУI-начале XУII вв. хлев и некоторые другие помещения, пригодные для стойлового содержания скота, имелись хотя и у всех крестьян, но не в таком обилии, как у Неудачки и Шестачки, а в количестве обычно не более I-2 на усадьбу [20]. Так было и почти на всем Севере, кроме района Вологды, до конца XУI-начала XУII вв., после чего там стали распространяться крытые дворы [21]. Но на севере Новгородской земли, у карел на Каре-

---

[18] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.6-7.

[19] Аграрная история Северо-Запада России XУI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., I978. С.I86

[20] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.II5-II8.

[21] Там же. С.I3I, I42, I52-I53, I59-I63, I65-I66, I70-I7I.

льском перешейке, помещения для стойлового содержания скота имелись у трети крестьян [22]. В Тверском уезде их имела только шестая часть всех усадеб [23]. А на севере Тверского Поволжья в Краснохолмском уезде и в районе Вологды таких помещений в крестьянских усадьбах, по-видимому, еще почти не было, причем у помещичьих крестьян в районе Вологды и в I760-х гг. было еще далеко до господства стойлового содержания [24]. По более южным частям Европейской России нет аналогичных сведений конца XУI-начала XУП вв., но известно, что там и много позже, в конце XУП-начале XУШ вв. стойловое содержание скота у крестьян еще далеко не господствовало, а местами и отсутствовало [25].

Отсюда видно, на каком общем фоне и насколько выделялась усадьба Неудачки и Шестачки в отношении животноводческих помещений. Подтверждается, что комбинированные системы земледелия с удобрением на ближних полях и перелогом на дальних еще преобладали повсеместно, а отдельные хозяйства могли иметь еще и чисто переложные системы, вовсе без удобрения. Но скот имело, хотя бы в небольшом количестве, подавляющее большинство всех крестьян, в том числе и те, у которых для него не было утепленных помещений. Выше уже замечено, что в восточно-европейском климате скот вообще мог зимовать и под открытым небом, тем более под навесами. Но этнографы, историки архитектуры и даже историки сельского хозяйства до начала нынешнего столетия не интересовались, насколько было распространено такое бесстойловое содержание и как оно было технически организовано. Когда финский этнограф У.Сирелиус заметил несколько случаев бесстойлового содержания скота у некоторых финноязычных народов Европейской России и Западной Сибири, в Финляндии это расценили лишь как некую специфически финскую особенность, якобы не свойственную никаким другим народам. А русским исследователям показалось настолько невероятным найти что-либо подобное у русских крестьян, что не стали и искать, а на работу У.Сирелиуса не обратили внимания. И лишь в I960-х гг., используя обширную земскую ветеринарную литературу конца XIX-нача-

---

[22] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.I2I-I24.
[23] Там же. С.I08.
[24] Там же. С.I06-I07, I48-I50.
[25] Там же. С.86-87, 93, 98-99, III-II2.

ла XX вв., ранее не привлекавшуюся в качестве исторического источника, мы обнаружили, что открытие У.Сирелиуса надо относить не только к финноязычным, а вообще ко всем народам Восточной Европы и сопредельных регионов, в том числе и к русским крестьянам [26].

Большинство средних крестьян при недостатке или отсутствии помещений для стойлового содержания скота держали животных зимой под специальными помостами-навесами, открытыми с боков. На эти помосты ставили стога сена, которое оттуда сбрасывали вниз при кормлении скота. Обычно такие помосты-навесы располагались по краям открытого двора вдоль его ограды. В разных местностях они назывались по-разному. У русских были наиболее распространены славянское слово "поветь" или "повить" и слово "сарай", иранское по происхождению, пришедшее к нам, видимо, через золотоордынских татар. Было известно, хотя в документах встречается нечасто, славянское слово "стая". Каждый из этих терминов мог переходить и на закрытые постройки или на их детали по мере их развития на основе помостов-навесов, - так, в конце XIX-началеXX вв. термин "поветь", как уже сказано, местами означал второй этаж крытого двора, термин "стая" в Сибири относился уже к закрытой постройке и т.д. Не перечисляя других славянских и неславянских названий помоста-навеса, отметим лишь слово "пристен", которое произносилось "пристин" в местном новгородском диалекте, где слово "стена" произносилось "стина". Это слово вообще имело разные значения, но могло означать и помост-навес, пристроенный к глухой дворовой ограде и... к стене какой-нибудь закрытой постройки. В конце XIX-:: зле XXвв. это слово, как и самые помосты-навесы, в Европейской России сохранялось только на юге. Но по документам XVI-XVII вв. оно видно и в описаниях крестьянских усадеб лесной зоны [27].

Теперь ясно, что такое два "пристинца", расположенные один над другим между клетями Неудачки. Это двухъярусный навес, открытый в сторону двора, на галерею, имевший срубную или заборную стену со стороны соседнего двора. Но нижний ярус назван одновременно и "хлевцем", из чего видно, что в нем держали скот и что какое-

---

[26] Шенников А.А.: Распространение животноводческих построек у народов Европейской России // Советская этнография. 1968, № 6. С. 99-106; Длинный дом и крытый двор ... С.72-76.

[27] Там же. С.93-94.

то ограждение он имел и со стороны галереи, возможно, легкую жердяную или плетневую стенку с дверью. В верхнем же "пристинце", открытом со стороны галереи, очевидно, хранили сено, которое, как с помоста-навеса, сбрасывали вниз скоту, может быть через люк в перекрытии или просто между раздвигающимися свободно лежащими бревнами. Уменьшительная форма названий "пристинец" и "хлевец" здесь означает, надо полагать, что пролет этого двухъярусного навеса между клетями был несколько меньше, чем размеры самих клетей, вероятно, 2-2,5 сажени.

Упоминание о "хлевце"-"пристинце" говорит еще о многом. Во-первых, самый факт существования пристена для скота даже в относительно богатой усадьбе и при наличии необычно большого количества хлевов показывает, что и здесь бесстойловое содержание скота еще сохранялось хоть для какой-то небольшой части животных. Очевидно, в обычных, средних, а тем более в беднейших усадьбах, где имелось не более одного хлева, еще большая часть скота была на бесстойловом содержании. Во-вторых, если "пристинец" мог быть назван "хлевцем", то из этого следует, что термин "хлев" вообще не всегда и не обязательно означал только полностью срубное и хорошо утепленное помещение. В данном случае по крайней мере одна его стена была явно холодной, продуваемой.

Нашу реконструкцию неудачкиной двухэтажной постройки с двумя клетями, двумя хлевами и двумя пристенами можно подкрепить некоторыми аналогиями. На рис.4 - шведская кладовая-спальня "loft" середины XVII в., сохраняемая в одном из парков-музеев [28]. Как и у Неудачки она двухэтажная, трехпролетная, с галереей, а в среднем пролете имеет внизу открытое в сторону двора помещение, вроде неудачкиного пристена. Правда, у этого помещения нет задней стены, но она могла быть не срубной и не сохраниться.

На рис.5 - подобная же удмуртская постройка "кенос" [29]. Тут уже в обоих этажах видны пристены, и с сохранившимися задними стенами, и пролет их немного меньше, чем размеры кладовых-спален, совсем как у Неудачки. На рис.6 - общий вид удмуртской усадьбы начала XX в. [30]. Слева от ворот - "кенос" с галереей (неясно с пристеном или без такового). Конечно, тут изба справа от ворот уже совсем не такая, как на нашем рис.2, и ворота более капитальные. Но

---

[28] Рисунок по фотоснимку из кн.: Erixon S., Campbell Å. Svensk bygd och folkkultur i samling, forskning och vard. I. Stockholm, 1946. S.305.

[29] Рисунок по фотоснимку из статьи: Пинт А. К истории удмуртского жилища // Ученые записки НИИ народов Советского Востока. М., 1953, вып.2. Рис.17.

[30] Там же. Рис.1.

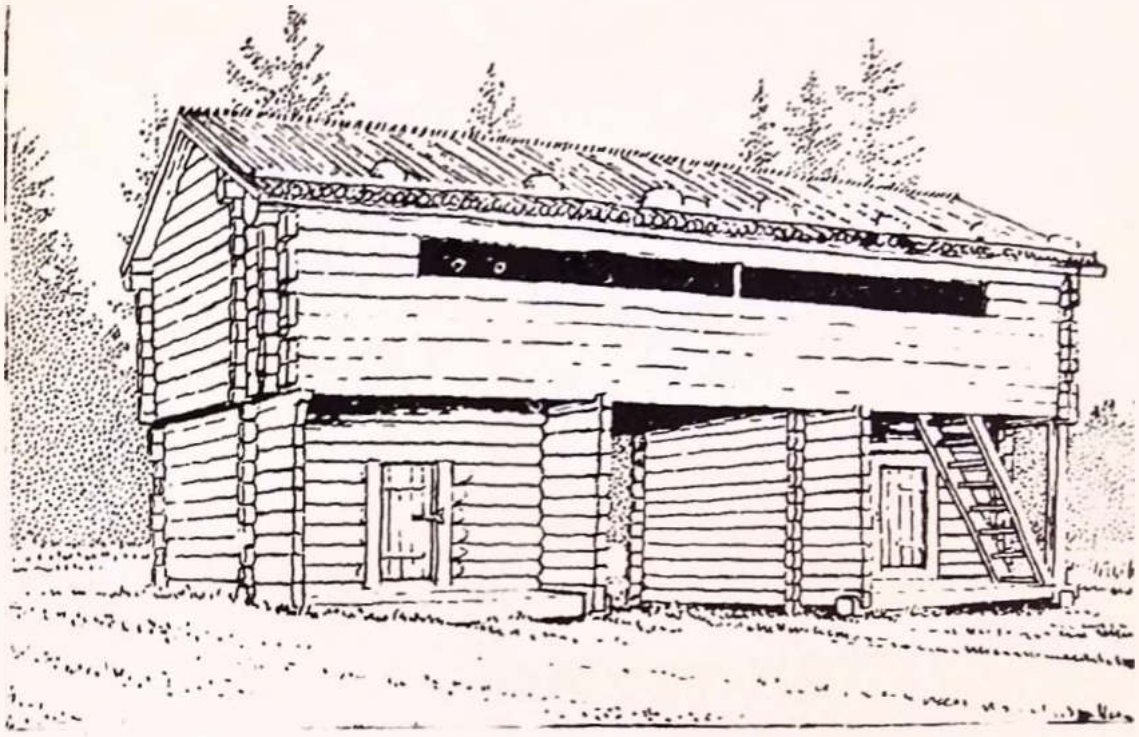


Рис.4. Шведская кладовая-спальня " loft". XУП в.

ведь это не XУI век. Однако общий уровень развития удмуртских усадеб в начале нынешнего столетия был еще не намного выше уровня русских новгородских крестьянских усадеб конца XУI в. и, в частности, там существовали развитые двухэтажные кладовые-спальни для неразделенных семей. Их расположение во дворах было, оказывается, похоже на то, что мы реконструировали в усадьбе Неудачки и Шестачки.

Хотя, как уже сказано, исследователи не успели зафиксировать сохранившиеся постройки такого рода у русских крестьян в Европейской России, но в Восточной Сибири еще существуют и недавно описаны сходные двухэтажные постройки, имеющие внизу помещения для скота, а наверху - сеновалы, открытые на галереи, обращенные во двор, - аналогия неудачкиному верхнему "пристинцу" (рис.7) [31].

Можно привести и некоторые некрестьянские аналогии. В такой крестьянской стране, какою была Россия, отдельные крестьянские бытовые традиции не могли не проникать и в быт других классов общества, вплоть до высших. Например, использование неотапливаемо-

---

[31] Рисунок по фотоснимку из статьи: Беседина О.Н. Памятники деревянного зодчества Приленья (по материалам обследования 1985-1986 гг.) // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1989. С.19. Рис.1.

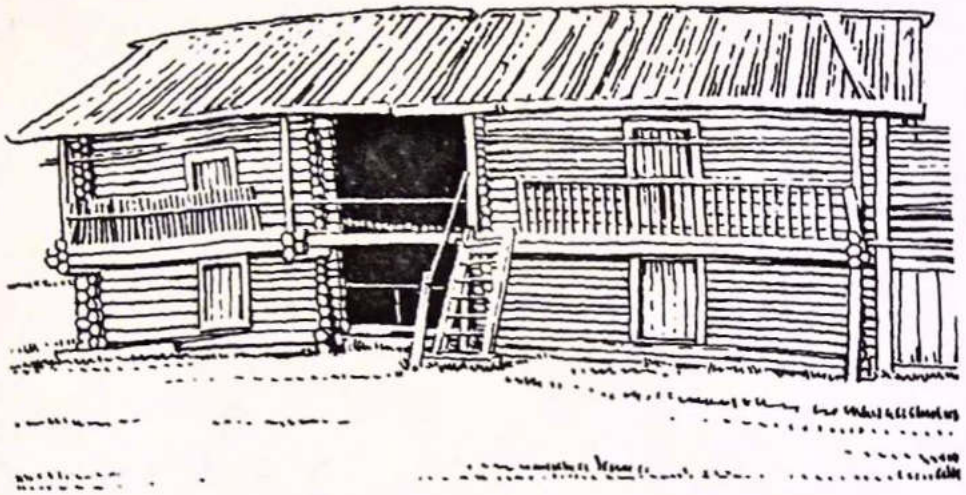


Рис.5. Удмуртская кладовая-спальня "кенос". XIX в.

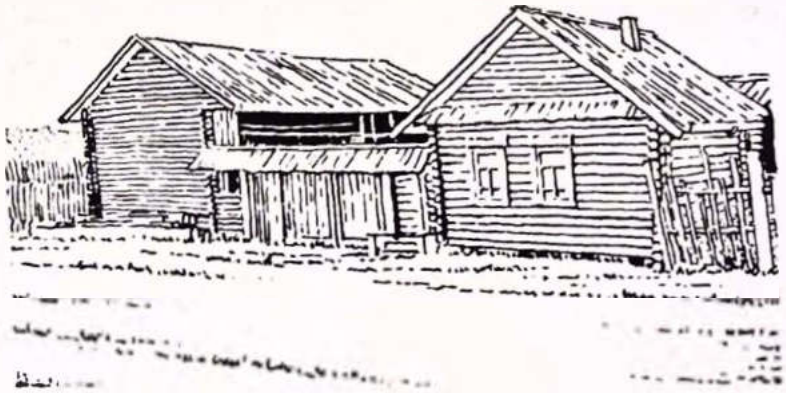


Рис.6. Удмуртская крестьянская усадьба. Начало XX в.

го помещения под названием "сенник" в качестве ритуальной спальни для новобрачных, с упомянутым символическим хранением зерна, в XVII в. отмечено даже в семье первых царей Романовых (если у Неудачки и Шестачки бывшие сенники были названы клетями, то в царских хоромах, видимо, произошло наоборот). Поэтому клети и сенники часто упоминаются в XVI-XVII вв. в усадьбах феодалов и горожан, хотя у этих групп населения неразделенные семьи если не

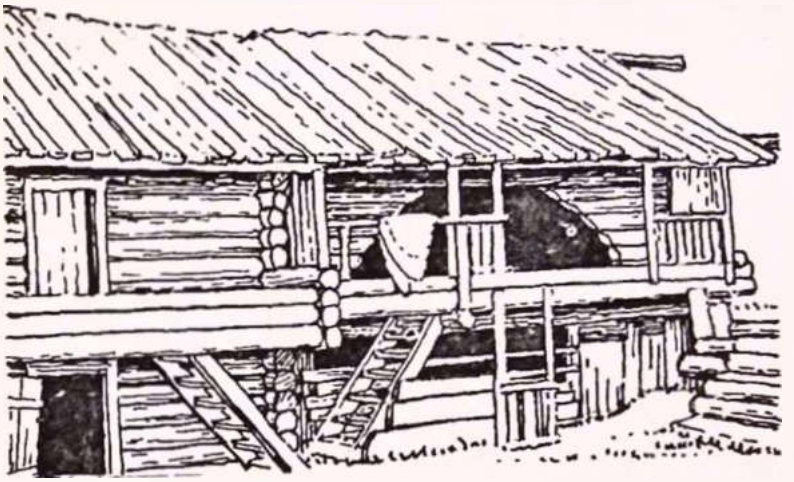


Рис.7. Постройка для скота с сеновалом наверху. Восточная Сибирь. Конец XIX-начало XX вв.

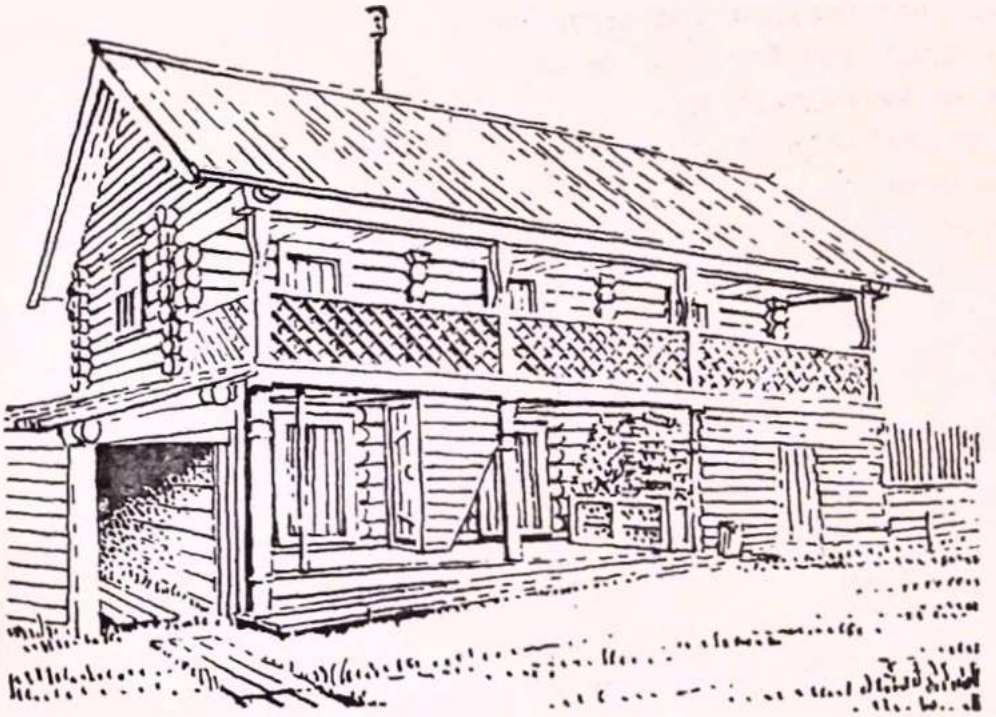


Рис.8. Сенник в мещанской усадьбе в г.Сольвычегодске. Начало XX в.

вовсе отсутствовали, то, по крайней мере, по производственным соображениям не требовались. Обычно в этих случаях в усадьбе имелась лишь одна такая постройка, служившая только летней спальней, ритуальной свадебной спальней, спальней для гостей и т.д. Но так иначе эта постройка имелась и сохранялась по традициям иногда даже дольше, чем у крестьян.

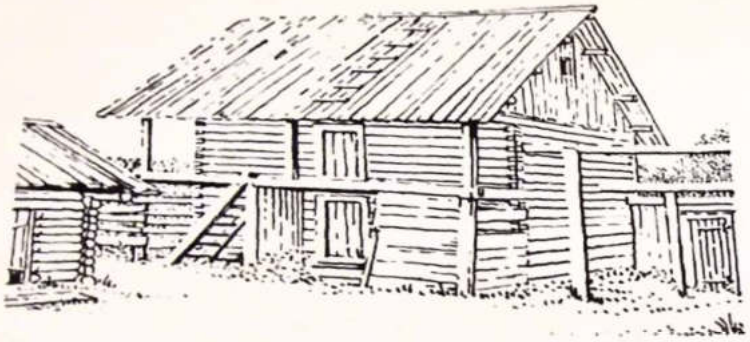


Рис.9. Сенник в мещанской усадьбе г.Сольвычегодска. Начало XX в.

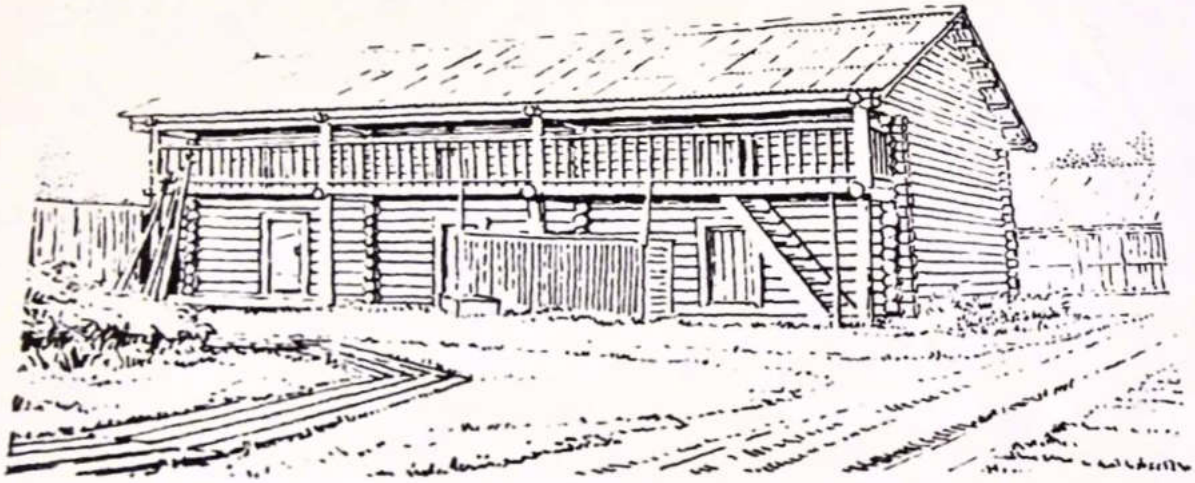


Рис.IO. Кладовая-спальня из мещанской усадьбы в г. Сольвычегодске. Конец XIX-начало XX вв.

В результате в некоторых местностях, где у русских крестьян кладовые-спальни давно забыты, их иногда до сих пор можно неожиданно увидеть в усадьбах горожан, особенно в самых мелких старинных городках, где "посадские люди", а затем их потомки мещане долго сохраняли хозяйство, близкое к крестьянскому, но, в отличие от крестьян, пережили без больших потрясений крестьянскую реформу

1861 г., революцию и прочие известные катаклизмы вплоть до запустения "неперспективных" деревень.

В одном таком городке - Сольвычегодске Архангельской области в 1963 г. мы обнаружили во дворах постройки, практически ничем не отличавшиеся от упомянутых "loft ", "luhti ", "кенос" и подобных. Одну мы даже смогли обмерить. Одно из помещений верхнего этажа в ней сохранило название "сенник" и использовалось как летняя спальня. Обмерные чертежи мы опубликовали [32], здесь приводим рисунки по сделанным тогда же фотоснимкам этой постройки (рис.8) и еще двух подобных: небольшого сенника (рис.9) и очень большого, перевезенного на новое место и превращенного в амбар (рис.10). На третьей постройке асбошиферная кровля, конечно, новая. Оказалось, что в Сольвычегодске подобные строения возводились до начала нынешнего столетия, а использовались по первоначальному назначению, как видим, в 1960-х гг., причем еще недавно их было гораздо больше.

Ниже мы еще вернемся к реконструкции неудачкиной двухэтажной постройки, где нам остается объяснить устройство крыши и еще некоторых деталей. Обратимся к аналогичным постройкам на шестачкиной половине двора, где, как уже сказано (и показано на рис.2), по описанию вырисовываются три отдельных, но, вероятно, поставленных рядом односрубных постройки с клетями в верхних этажах. Под одной из клетей внизу оказался не хлев, а "мшаник". Что это такое? Слово "мшаник" ("омшаник", "амшеник" и т.п.), вообще означало небольшую срубную постройку со стенами, утепленными мхом, проложенным между бревнами, но не имевшую отопления. В лесостепной и степной зонах Европейской России мшаником называли постройку для зимнего хранения пчелиных ульев, а севернее, в лесной зоне - постройку для стойлового содержания скота. Очевидно, такая постройка требовала и утепленного перекрытия (обычно с земляной засыпкой) и плотно закрывающейся двери, иначе незачем было бы складывать сруб на мху.

Видимо, мшаник именно тем и отличался от хлева, что был всегда хорошо утеплен, в то время как хлев хотя и был не совсем холодным, но мог быть хуже утепленным, что мы уже и заметили, рас-

---

[32] Шенников А.А.: О русских крестьянских усадьбах XVI в. // Доклады отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1966, вып.2. С.22, рис.3; Длинный дом и крытый двор ... С.154 .

сматривая неудачкин "пристинец"-"хлевец". Вероятно, хлев мог иметь не так тщательно сложенные срубные, а иногда и заборные стены. Если над хлевом на чердаке или во втором этаже был сеновал, хлев мог не иметь засыпки на перекрытии. Мшаником называлось обычно помещение не для всякого скота, но прежде всего для мелкого скота и молодняка, то есть для животных, которые более других нуждались в тепле. В конце XVIII-начале XIX вв. в средней полосе России мшаник нередко был вообще единственным утепленным помещением для скота во дворе, в нем находился молодняк и мелкий скот, в то время как для коров и лошадей имелись только навесы [33]. Короче говоря, мшаник был, судя по всему, животноводческим помещением несколько лучшего качества, чем хлев.

Отдельный небольшой "наземно хлевец" на шестачкиной половине двора, видимо, тоже был не лучшей постройкой. Но интересно, что из всех хлевов он один назван наземным, из чего можно понять, что остальные хлевы и мшаник были не наземными, то есть имели полы хоть немного выше уровня земли. Некоторое повышение могло получиться уже за счет того, что пол мог быть не просто земляным (каким он, вероятно, был в шестачкином "наземном хлевце"), но с уложенным прямо на землю жердяным или бревенчатым настилом. Но и простой земляной пол внутри сруба мог быть насыпан несколько выше уровня земли. В хлевах, расположенных в нижнем этаже двухэтажной постройки, это могло быть оправдано, между прочим, наличием галереи, нижний ярус которой чаще всего делался выше уровня земли на I-2 венца сруба (венец сруба - ряд горизонтальных бревен, образующих сруб). Таким образом, то, что во дворе Неудачки и Шестачки хлевы и мшаник под клетями не названы наземными, может быть, несколько уточняет нашу реконструкцию, подсказывая, что в данном случае галереи были двухэтажными, с нижними ярусами, приподнятыми над землей. Так мы их и нарисовали.

---

[33] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.109-111.

И З Б А

ИЗБЫ В XУI-XУII ВЕКАХ

Во всех описаниях традиционной строительной культуры русских крестьян принято начинать обзор построек с избы. Мы нарушили эту традицию, и надеемся, что читатели уже поняли, почему мы так построили наше изложение. Изба, как уже сказано, была не единственным и не главным жилищем неразделенной крестьянской семьи, и без подробного объяснения сущности такой семьи и особенностей ее быта вряд ли можно понять и объяснить, что представляла собой в усадьбе этой семьи изба. Ниже увидим, что без предварительного обзора животноводческих построек приступать к рассмотрению избы тоже невозможно.

Две избы в одном крестьянском дворе в XУI в. и позже примерно до середины XУII в. были характерны именно и только для сложных неразделенных семей, образованных из двух не близко родственных. В простых неразделенных семьях только при очень большом количестве людей иногда появлялось несколько изб, но их количество определялось не числом супружеских пар, а производительностью хлебопекарных печей. Мнение некоторых этнографов о том, что вообще во всех неразделенных семьях каждая супружеская пара имела свою избу, для России неверно.

У простых семей русских крестьян не ранее чем в конце XУII в., а большей частью позже начали появляться усадьбы с несколькими избами и дома, состоявшие из нескольких изб, но это как раз тогда, когда неразделенные семьи уже сокращались и начинали исчезать. Многоизбные усадьбы и дома в это время появлялись у богатых крестьян в процессе повышения жилищной культуры и усвоения городских бытовых традиций, - например, одна изба делалась чисто жилой, а другая - кухней. Но к особенностям быта неразделенных семей это уже не имело никакого отношения. В XУI в. усадьбы и дома с несколькими избами были обычны для феодалов и богатых горожан, но для этих групп населения не были характерны неразделенные семьи.

Из описания двора Неудачки и Шестачки видно, что обе избы были однокамерные, то есть не имели сеней или иных пристроек и стояли отдельно от прочих строений. Но верно ли мы понимаем документ? Ведь, с одной стороны, сейчас считается, что в климате Европейской России жилище не может существовать без утепляющего входного

тамбура, роль которого выполняли сени перед крестьянской избой. С другой стороны, в русском литературном языке под словом "изба" нередко подразумевается весь крестьянский дом с сенями и разными другими помещениями. Не могло ли слово "изба" иметь такое же расширенное значение и в XУI в.?

В конце XIX-начале XX вв. и позже, когда крестьянскими постройками стали интересоваться исследователи многих специальностей, этнографы и историки архитектуры действительно не заметили изб без сеней у русских крестьян, но их неоднократно замечали и описывали врачи у беднейших крестьян юга Европейской России. В Приуралье такие избы местами дошли у русских крестьян и до наших дней, несмотря на более суровый климат. А почти у всех неславянских народов Среднего Поволжья и Прикамья, в том числе и в лесной зоне, однокамерные избы без сеней, стоявшие посреди открытых дворов, были обычным явлением до середины XIX в.,местами и позже, и не только у бедняков [34].

Поэтому нет оснований считать технически невозможными и избы без сеней, которые постоянно упоминаются в документах XУI-начала XУШ вв. в крестьянских усадьбах всех регионов Европейской России. Правда, в хоромах феодалов и горожан сени появились гораздо раньше, в городах археологи обнаруживают их в домах еще домонгольского времени. Но когда в документах XУI-начала XУШвв., написанных по одной форме, с применением единой терминологии , иногда даже одними и теми же чиновниками, в некрестьянских усадьбах сени упомянуты, а в крестьянских – нет, или когда в одной и той же, скажем, боярской усадьбе господские хоромы описаны с сенями, а избы дворовых крестьян ("людские") – без сеней, то приходится верить, что если сени не упомянуты, то их действительно не было.

Что касается применения термина "изба" – многокамерному крестьянскому дому с сенями, то это встречается только у писателей-горожан, особенно в конце XIX-начале XX вв., не знавших, что русские крестьяне, а до XУШ в. вообще все русские люди очень четко различали термины "дом" и "изба", называя избой только одно отапливаемое помещение с хлебопекарной печью. Правда, до начала XУШ в. назывались избами и некоторые административные постройки, которые на самом деле были многокамерными – "приказная изба",

[34] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.35.

"мирская изба" и т.п. Но это было пережиточное сохранение названия с более далеких времен, когда подобные учреждения помещались в однокамерных постройках.

Вообще во всей Европейской России сени перед крестьянскими избами - довольно новое явление. В конце XУП-начале XУШ вв. они упоминались в единичных случаях, во многих местностях их еще вовсе не было. На Севере крытые дворы, появившиеся сперва как отдельные постройки, с начала XУП в. и позже пристраивались к избам, еще не имевшим сеней, так что пришлось придумать особое соединительное звено между избой и крытым двором - так называемый "мост", а сени там во многих местах так и не появились.

Внутреннее устройство изб Неудачки и Шестачки из исследуемого документа не ясно. Но имеются дополнительные источники. Зимой I6I5-I6I6 гг. южнее озера Ильмень, между городами Старой Руссой и Осташковом, то есть в той же центральной части Новгородской земли, в сельце Дидерине происходили переговоры между шведской и московской делегациями о заключении перемирия в войне, в результате которой шведскими войсками был занят весь северо-запад Европейской России (кроме Пскова, выдержавшего осаду). В переговорах участвовали в качестве посредников английская и нидерландская делегации. Один из членов последней, А.Хутеерис, издал дневник своей поездки, иллюстрированный гравюрами, выполненными по его рисункам. В частности, там имеется ряд рисунков крестьянских селений и построек, с подробными объяснениями в тексте [35]. Мы опубликовали обзоры этих материалов [36]. Там же мы упомянули ряд других источников, связанных с книгой А.Хутеериса и позволяющих не сомневаться в ее достоверности (официальные отчеты нидерландской и русской делегаций и др.).

Хотя А.Хутеерис отразил в рисунках крестьянские постройки главным образом в районе переговоров, он видел и знал значительно больше. Он проехал от Нарвы до Новгорода, объехал вокруг озера Ильмень с остановкой в районе переговоров, снова посетил Новгород и оттуда уехал в Финляндию. От Нарвы до Новгорода он ехал

---

[35] Goeteeris A. Journaal der Legatie ghedaen inde Jaren I6I5 ende I6I6. Graven-Hage, I6I9.

[36] Шенников А.А.: Русское деревянное зодчество начала XУП в. по книге А.Хутеериса // Современный художественный музей: Проблемы деятельности и перспективы развития - Сборник научных трудов. Л., I980. С.I30-I43; Длинный дом и крытый двор ... С.II7-II9.

через укрепленное селение Тесово (впоследствии Ям-Тесово) примерно в 15 км к северо-востоку от села Белого. К Тесову он ехал, по-видимому, вдоль реки Оредеж через упомянутый в нашем документе Бутковский погост. Таким образом, книга А.Хутеериса не только вообще достоверна, но имеет прямое отношение к окрестностям села Белого.

Одна из особенностей этого источника – в том, что А.Хутеерис вообще не видел живых русских крестьян. Он ездил по совершенно разоренной шведскими войсками местности, где крестьяне все сплошь либо вымерли с голоду, либо погибли при боевых действиях, либо прятались в лесах и партизанили. В избах лежали уже в течение нескольких лет кости разложившихся трупов, так что спутники А.Хутеериса, устраиваясь в пустых избах на ночлег, выбрасывали эти кости на улицу. Селения были сильно разрушены шведскими солдатами, постепенно разбиравшими постройки на дрова. Дворовые ограды уже были сожжены почти полностью, так что на видах селений, зарисованных А.Хутеерисом, невозможно определить границы отдельных усадеб. Но об отдельных постройках, и прежде всего об избах, по рисункам и тексту можно сказать многое.

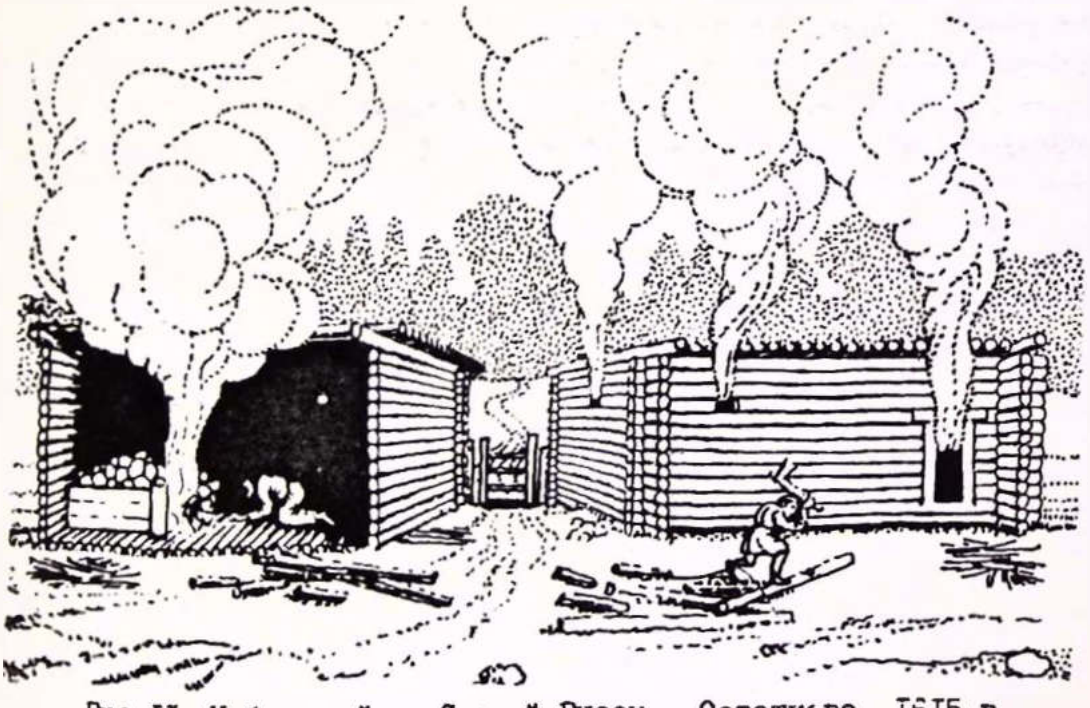


Рис.II. Изба в районе Старой Руссы – Осташкова. 1615 г.
По гравюре А.Хутеериса.

На рис.II – изображение русской крестьянской избы, которую А.Хутеерис считал типичной [37]. Приводим прорисовку по гравюре, оттиски которой в доступных нам экземплярах книги темны и неразборчивы. Справа – внешний вид избы, слева – та же изба в разрезе. Видны пол из мелких тонких бревен, настланных прямо на землю, и бесчердачное горизонтальное перекрытие в виде бревенчатого наката (плотничий термин). Об этом перекрытии еще будет речь ниже.

Изба топилась "по-черному", то есть дым из печи выпускался прямо в помещение и удалялся через расположенные под потолком маленькие вентиляционные отверстия, которые трудно даже назвать окнами (а других,осветительных окон,не видно). В просторечии такие избы часто назывались просто "черными". Такое отопление местами еще встречалось и в конце XIX-начале XX вв.,но уже исчезало. В литературе такие избы часто называют "курными", но в первоначальных этнографических и других описаниях, сделанных на местах, мы не встречали этого названия. Вероятно, это какой-то узкоместный термин, который необоснованно выдают за общерусский.

В многочисленных описаниях этого способа отопления часто сообщается, что дым удалялся также через дверь. Это видно и на рисунке А.Хутеериса. Но думаем, что это не совсем верно. Возможно, что это наблюдалось в самых плохих банях и разных временных жилищах, где потолок мог делаться над самой дверной притолокой и потому дымовые отверстия и верх двери были на одном уровне. Но в обычных избах дымовые отверстия делались не менее чем на I-2 венца выше двери, как показал и А.Хутеерис. Именно на уровне этих отверстий устанавливалась четкая горизонтальная граница между верхней дымной и нижней бездымной зонами, так что в дверь дым не попадал. Версия о выпуске дыма через дверь появилась, может быть, потому, что за дым принимали пар, клубившийся в морозном воздухе над дверьми.

По-видимому, в начале XVII в. и ранее отопление "по-черному" на Новгородской земле еще господствовало повсеместно, и не только у крестьян. А.Хутеерис упоминает его и в самом Новгороде, и в сельских хоромах феодалов. Даже для переговоров делегаций четырех держав не нашлось во всей округе помещения с отоплением "по-белому", и крупное парадное помещение в довольно богатой помеши-

[37] Goeteeris A. Journael der Legatie ... P.40.

чьей усадьбе в сельце Дидерине, выбранное как место для переговоров, тоже топилось "по-черному".

Вероятно, в эти годы вообще на Руси отапливались "по-белому" богатейшие дома, особенно каменные, в Москве и немногих других городах, где такие дома имелись, может быть, дома самых богатых крестьян-промышленников на Севере, но не более того. Характерно, что в документах с описаниями даже средних боярских усадеб, не говоря уже о более бедных, только с середины XVII в. стало отмечаться различие между "черными" и "белыми" избами. В 1630-х гг., судя по рисункам в известной книге А.Олеария, на городских деревянных домах встречались деревянные же "дымники", но это были еще не настоящие дымовые трубы печей, а лишь дощатые вытяжные короба, не присоединенные непосредственно к печам. На крестьянских же избах вдоль всей дороги от Пскова через Новгород до Москвы даже в 1661 г. на весьма достоверных рисунках в так называемом "альбоме Мейерберга", выполненных художником из свиты австрийского посла, еще не видно ни одного хотя бы деревянного дымника [38].

Изображение избы на рисунке А.Хутеериса некоторые исследователи принимают за изображение бани. Видимо, этому способствует показанная в избе маленькая печь с насыпанной сверху кучей камней. Такие печи в конце XIX-начале XX вв. встречались главным образом в крестьянских банях, иногда в лесных охотничьих избушках и назывались "каменками". Свободно насыпанные камни раскалялись на топящейся печи, их бросали в корыто или бочку с водой и таким образом нагревали воду. Этот способ нагревания воды постепенно уходил в прошлое по мере того как вместо таких печей в банях распространялись закрытые очаги с вмазанными сверху котлами для воды. Однако еще в конце XIX в., по ряду сообщений, в полосе от Карелии и Каргополя до севера Тверской губернии, то есть не очень далеко от описанной А.Хутееримом местности, таким архаическим способом грели воду не только в бане, но и в избе для приготовления теплого корма скоту.[39] К сожалению, за отсутствием чертежей или рисунков мы не знаем, как в этих случаях была устроена печь в избе. На ней где-то должно было быть место для камней, чего впоследствии на избных печах уже нигде не наблюдалось. Как видим, на-

---

[38] Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903.

[39] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.118.

рисованная А.Хутеерисом "каменка" еще не доказывает, что изображена баня.

Думаем, что в то время, когда описанное устройство применялось не только в банях, но и в избах, "каменкой" называлось только место на печи, куда насыпались камни, а не вся печь. И отнюдь не называлась "каменкой" вообще всякая печь, сложенная из камней, но не имевшая свободно набросанных камней сверху, – такие печи тоже встречались (наряду с глиняными и кирпичными), но этнографы и археологи называют их каменками необоснованно.

Может быть, постройку, нарисованную А.Хутеерисом, принимают за баню еще и потому, что не показаны лавки, полати и другие принадлежности избы, обычные в конце XIX–начале XX вв. Однако не показаны и типичные банные детали – полок (помост для парения), кадка для воды и т.п. Впрочем, на гравюре задняя часть помещения тонет во мраке и неизвестно, какие еще детали там могли находиться. Но А.Хутеерис недвусмысленно пишет, что изображена именно изба. Он же замечает, что в избе, за неимением лавок или иных мест для сидения, сидели или лежали на полу. Наконец, на рисунке по показателям масштаба – фигурам людей, толщине бревен и т.п. – нетрудно определить, что постройка имела в плане размер примерно 3х3 сажени, обычный для изб, а не для бань, которые делались меньше.

В избе, нарисованной А.Хутеерисом, очевидно, невозможно было спать на печи, в отличие от крестьянских "русских" печей конца XIX–начала XX вв. В связи с этим заметим, что, с одной стороны, в это время и даже раньше, в середине XVI в., в Москве и Подмосковье на печах уже спали, то есть печь уже имела достаточный для этого размер и прямоугольную форму с плоским верхом, впоследствии обычную [40]. С другой стороны, у ряда неславянских народов, особенно в Среднем Поволжье, даже в конце XIX–начале XX вв. в избах местами еще не перевелись небольшие печи с куполообразным верхом и без плоской лежанки. Видимо, лежанка на печи была приспособлением не особенно древним, распространялась в разных местностях не равномерно и, в частности, для новгородских крестьянских изб в начале XVII в. и раньше еще не была характерна.

Ясно, что в изображенной А.Хутеерисом печи нельзя было мыться как в бане, что наблюдалось местами у русских крестьян лесной зоны в конце XIX–начале XX вв. Мытье в печах, требовавшее огромных печей, занимавших не менее четверти площади избы, появилось

[40] Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843. С.10.

не ранее чем в XVII-XIX вв. и было связано с тем, что бани стали для многих крестьян недоступны из-за сокращения запасов строительного и дровяного леса. О том, что мытье в печах было не пережитком какой-то глубокой древности, а новейшим явлением, свидетельствует и то, что оно распространилось раньше всего и больше всего не в каких-либо глухих захолустьях, а в центральных губерниях, особенно в Подмосковье, где одновременно видно по статистике и сокращение количества бань.

Не было в избе, нарисованной А.Хутеерисом, и полатей - помоста под потолком, в конце XIX - начале XX вв. служившего спальным местом. Это согласуется со свидетельствами других иностранцев. Полати как спальное место впервые отмечены в 1603 г. где-то примерно на границе Белоруссии и России между Оршей и Смоленском [41], а собственно в России - лишь в 1675 г. в районе Можайска [42]. В то же время с 1553 по 1675 гг. есть ряд сообщений о том, что в русских избах спят на лавках, иногда "широких" (видимо, нарах), но полати при этом не упоминаются. Одно из этих сообщений 1602 г. относится к той же дороге, по которой немного позже ехал А.Хутеерис [43]. Однако во всех этих случаях полати не упомянуты только при описании спальных мест, так что нельзя исключать, что полати могли существовать, но использоваться для чего-то другого.

Использование полатей как места для сна вообще довольно сомнительно при том отоплении "по-черному", которое видно по рисунку и тексту А.Хутеериса. Ведь полати находились в дымной зоне, спать там можно было только когда печь не топилась, а топилась она зимой не позже чем с 4-5 часов утра, так что лишь с середины дня до середины ночи над полатями не было дыма, а слой сажи там лежал постоянно. Это не относится только к существовавшим

---

[41] Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896. С.20-21.

[42] Лизек А. Сказание о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч.16. №10. С.341.

[43] Адам К. Первое путешествие англичан в Россию в 1553 г.// Журнал Министерства народного просвещения. 18[illegible]. Ч.20. №10.С.64; Посольство К.фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб.,1900. С.527; Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.162; Щербачев Ю.Н. Путешествие Его Княжеской Светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 г. М., 1911. С.7.

кое-где на северо-востоке Европейской России очень высоким "черным" избам, в которых граница дымной зоны находилась намного выше полатей, но в других регионах этого не наблюдалось.

Если же, по этнографическим описаниям конца XIX-начала XX вв., крестьяне, в основном южнорусские, все-таки спали на полатях даже при отоплении "по-черному", то это было возможно, вероятно, главным образом потому, что отопление "по-черному" в это время было уже в большинстве случаев усовершенствовано с помощью упомянутых дымников, благодаря чему слой дыма стал подниматься выше и держаться в избе не так долго. Кроме того, у крестьян-бедняков, количество которых в конце XIX в. быстро возрастало, неотапливаемые кладовые-спальни исчезали, вместе с неразделенными семьями, быстрее, чем избы успевали превратиться в достаточно комфортабельное жилище, что вело к общему снижению жилищной культуры. Во всяком случае спанье на полатях при не вполне еще изжитом отоплении "по-черному" было явлением ненормальным, вынужденным. Санитарно-медицинские описания неизменно отмечали перепачканную сажей одежду, заболевания глаз от раздражения дымом, частые случаи угара и т.д.

Хотя А.Хутеерис не зафиксировал полати у новгородских крестьян, есть основания думать, что вообще на Руси, в том числе,может быть, и на северо-западе полати в крестьянских избах в XУI в. встречались, но использовались не для сна. В начале XУI в. один из иностранцев заметил о всех русских вообще, что они в избах "досушивают" урожай, не пояснив, к сожалению, как это делается [44]. В XIX в. о таком досушивании упоминалось не раз и во многих губерниях, и тоже без объяснений. Но имеются и более подробные сообщения. Так, на севере Вятской губернии, оказывается, сушили снопы на полатях. Недалеко оттуда на севере Костромской губернии, а также на юге Ярославской и на юге Нижегородской губерний сушили на полатях лук, причем есть сведения, что полати состояли не из досок, а из жердей и назывались "колосники" [45].

[44] Меховский М.Трактат о двух Сарматиях.М.-Л.,1936. С.114.

[45] Артынов А.Село Угодичи//Ярослав.губ.ведомости.1851,№ 3. С.29; Бронников В.Очерк Кайского края вообще и села Кайгородского в особенности//Вятск.губ.ведомости.1874,№5.С.3; Смирнов В.Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии//Труды Костром.науч.о-ва по изучению местного края. 1915,вып.3.С.173; Чепцов М.Факты из земской медицины//Слово.1878, №12.С.163;Яворский М.Этнографические сведения об отличительных

Но настил из свободно лежащих жердей под названием "колосники" - это деталь овина или риги, то есть огневой снопосушильни. На такие жерди насаживались снопы колосьями вниз, отсюда - название. Через один или несколько ярусов насаженных таким образом снопов шли дым и горячие газы от очага. Очевидно, упомянутое устройство для сушки лука ранее тоже предназначалось для снопов хлебных злаков, о чем свидетельствуют и название "колосники", да и устройство настила именно из жердей, а не из досок, которые для лука были бы удобнее.

Можно думать, что вообще у русских крестьян, и не только у русских, полати появились в избах еще при отоплении "по-черному", но вначале лишь как приспособление для сушки снопов. В спальное же место полати могли превратиться только тогда, когда, с одной стороны, появились сначала улучшенные "черные" избы с дымниками, а затем и "белые" избы; а с другой стороны, получили достаточное распространение огневые снопосушильни (о них подробнее см. ниже). Неясно, когда и как шла вся эта эволюция на Новгородской земле. У Неудачки и Шестачки полатей в избах, вероятно, не было, судя не только по тому, что тридцать лет спустя их не показал и не упомянул А.Хутеерис, но и по тому, что в этой усадьбе имелись и овин, и достаточное количество спальных мест в клетях. Но в более бедных усадьбах полати для сушки снопов, возможно, имелись.

Теперь обратим внимание на общий план избы, нарисованной А.Хутеерисом, и прежде всего на взаимное расположение печи и двери. Предварительно объясним всем нашим читателям, кроме этнографов, что последние придают этому вопросу большое значение. Дело в том, что в конце XIX - начале XX вв. в Европейской России у русских крестьян существовали четыре основных типа планов изб, каждый из которых имел свою определенную территорию. Заметим, что эта классификация относится только к простейшим планам изб, однокамерных или с сенями, но без внутренних перегородок, пристроек и иных усложнений, которых в это время было известно уже очень много.

Схематически показываем эти четыре плана и области их

чертах всех народных особенностей, существующих у крестьян Арзамасского уезда. Рукопись. 1850. // Архив Русского географического общества. Разряд 23. Опись I. № 38. Лист 5 об.

распространения на рис. I2. Для каждого плана возможен и зеркально-симметричный вариант с печью не справа, а слева от двери. Этнографы называют эти планы "северно-русским", "западно-русским", "западно-южно-русским" и "восточно-южно-русским". Но это неудачно, так как эти же планы, кроме лишь "западно-южно-русского", имелись и у ряда других народов в Европейской России и за ее пределами. Поэтому мы будем называть их условно просто "северным", "западным", "юго-западным" и "юго-восточным", хотя и это не отражает всей сложности географии этих типов (например, отдельный район с избами "юго-восточного" типа известен на северо-востоке Европейской России у коми-зырян). Этнографы считают эти четыре плана изб весьма древними, связывают их с этническими группами восточных славян до-киевских времен - кривичами, вятичами и др.

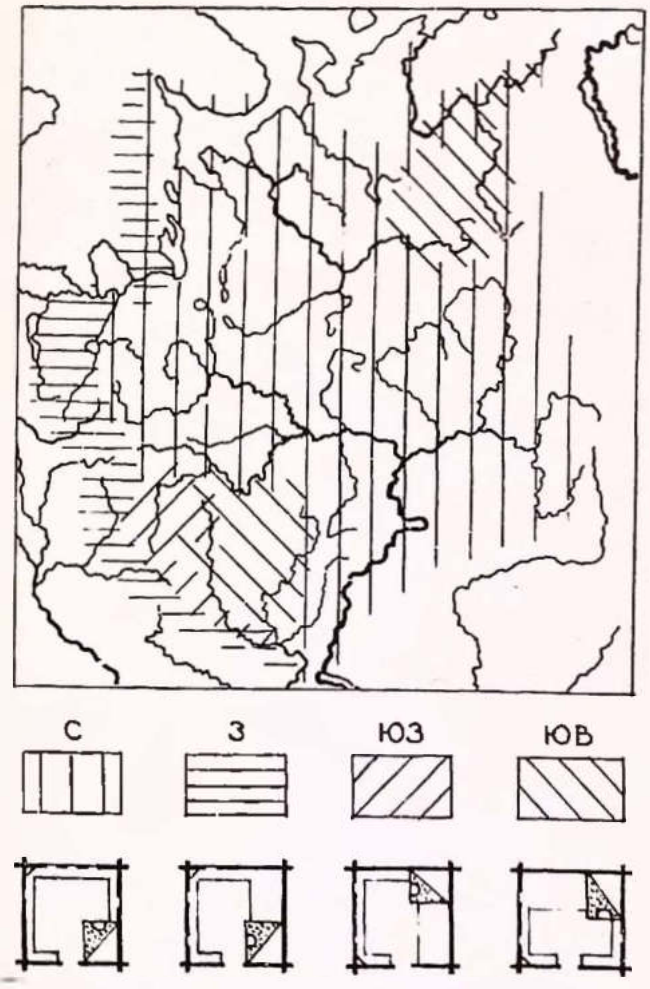


Рис.I2. Планы крестьянских изб в Европейской России в к.XIX - н.XX вв.

В конце XIX - начале XX вв. интересующий нас район, как и вся западная часть Петербургской губернии, относился к области "западного" плана изб, хотя и "северный" тут был известен (но преобладал он только восточнее Волхова).

План избы, нарисованной А.Хутеерисом, понять непросто. Если считать, что на внешнем виде (справа) и на разрезе (слева) изба показана в одном и том же положении по отношению к зрителю, то получается план, похожий на "юго-западный" (рис.I3-А). Но на разрезе не видно дымовое отверстие в левой

стене, которое должно там быть, судя по внешнему виду. Однако на разрезе и на внешнем виде бревенчатые накаты перекрытий почему-то лежат под прямым углом один к другому. Похоже, что на разрезе изба повернута на 90° по отношению к внешнему виду (рис.I3-Б). Тогда получается план, похожий на "северный". Но опять на разрезе не видно дымовое отверстие, показанное на внешнем виде в стене, обращенной к зрителю.

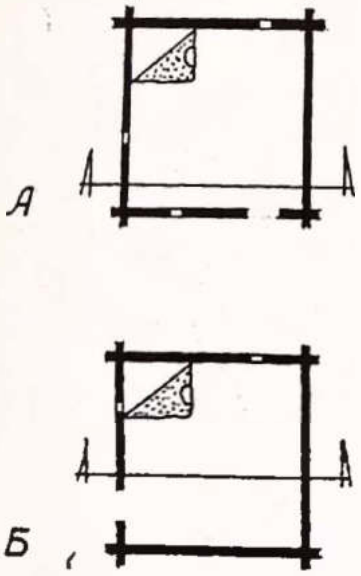


Рис.I3. Варианты реконструкции плана избы на рисунке А.Хутеериса (сравнить с рис.II).

Как видим, безупречной реконструкции не получается. Но если неувязку с дымовыми отверстиями отнести на счет небрежности гравера, что вполне возможно, то допустимы два варианта реконструкции плана: похожий на "юго-западный", с печью в углу у стены, противоположной двери, устьем вбок, и похожий на "северный", с печью в углу у двери, устьем к стене, противоположной двери. И ни в том, ни в другом случае не получается "западный" план, преобладавший в этой местности в конце XIX - начале XX вв.

Впрочем, в обоих случаях сходство с планами, известными этнографам, весьма относительное, хотя бы уже ввиду упомянутых отличий во всем оборудовании избы. Еще одно заметное отличие: дверь почему-то сдвинута почти вплотную к углу избы, в то время как в конце XIX - начале XX вв. в обычных избах она делалась при всех планах в середине стены, а дверь близ угла встречалась только в небольших постройках с печами - банях, охотничьих избушках и т.п., где при центральном положении двери не осталось бы места для печи рядом с дверью.

Между тем, для Новгородской земли в начале XII в. и, надо думать, раньше, когда был описан двор Неупокои и Шестачки, именно такое асимметричное положение двери избы было характерно. Оно видно и на некоторых рисунках А.Хутеериса, один из которых вос-

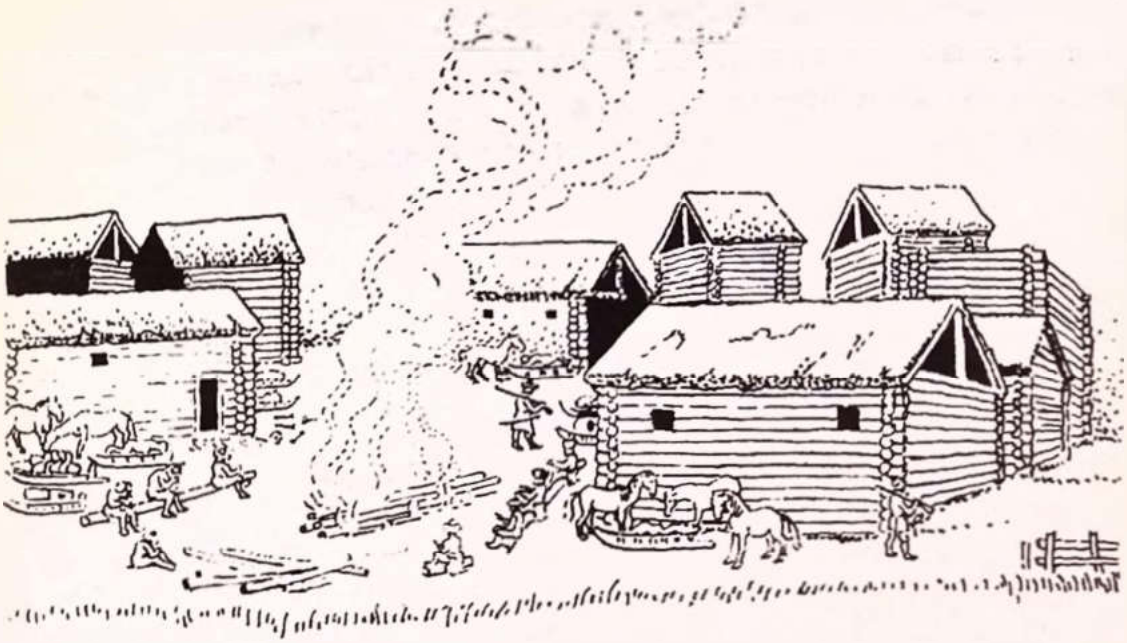


Рис. I4. Селение Posseleauwo в районе Новгорода. I6I5 г. По гравюре А.Хутееpиса.

производим, тоже в прорисовке, на рис. I4[46]. Не знаем, в какой части пути А.Хутееpиса находилось изображенное здесь селение Posseleauwo (Поселово ?). Судя по нерегулярному расположению построек, без ясной улицы, можно думать, что это очень небольшая деревня. Посреди нее шведские солдаты сидят у костра, сложенного из обломков какой-то постройки. Оград, как и на других рисунках, почти не видно, - очевидно, их успели сжечь, - поэтому границы усадеб установить нельзя. Позади костра слева видна постройка, определяемая как изба не только по двери около угла, но и по валяющимся у двери человеческим костям, выброшенным, согласно тексту, из избы. Подобные избы с дверями около углов видны, и не один раз, во второй половине столетия на рисунках в "альбоме Мейерберга"[47]. Может быть, такое положение двери было пережитком того времени, когда избы в деревнях были вообще меньше, вроде позднейших бань и временно-обитаемых построек. Но не исключаем и иных объяснений. Вопрос требует изучения.

Расположение дымовых отверстий, показанное на первом из

---

46 Goetooris A. Journael der Legatie ... P.55.

47 Альбом Мейерберга... Рис.I3,27,38,48.

приведенных рисунков А.Хутеериса, не имеет ничего общего с расположением окон в избах конца XIX - начала XX вв., показанным на наших схемах планов на рис.I2. Видимо, тут незачем и искать сходства, так как к маленьким отверстиям для дыма, которые, когда печь не топилась, просто затыкались тряпками (так бывало и в XIX в.), предъявлялись иные требования, чем к осветительным окнам. На втором рисунке постройка справа от костра имеет, кажется, более крупные окна, если это не погрешность гравера. Тут можно предположить уже осветительные окна со вставной рамкой, обтянутой полупрозрачным материалом - бычьей брюшиной, рыбьим пузырем, промасленной тканью и т.п. (слюда и стекло в XVI в. давно применялись в городах, были небезызвестны и крестьянам на Севере, но до новгородских крестьянских селений, по-видимому, еще не доходили). Но в данном случае нет уверенности, что изображенная постройка - изба, а не одноэтажная клеть.

Можно было бы еще много сказать о различных деталях устройства изб. Кое-что мы еще скажем ниже. Но сейчас необходимо ответить на главный вопрос, который несомненно уже задают читатели. Почему крестьянские избы были так примитивны, так убоги? Почему крестьяне, умевшие и имевшие возможность строить описанные выше сложные двухэтажные постройки с хлевами внизу, клетями наверху и галереями вдоль стен, не возводили по меньшей мере на таком же уровне строительной культуры единственное отапливаемое жилище - избу?

Оказывается, при описанном бесстойловом зимнем содержании скота в климате Европейской России было необходимо кормить всех животных теплым, подогретым кормом и постоянно держать в отапливаемых помещениях новорожденных животных. Желательно было также держать в теплых помещениях вообще весь молодняк и беременных животных и там же доить коров. Это подробно описано во всей той же самой, особенно ветеринарной литературе, из которой мы знаем и о бесстойловом содержании скота[48].

А в санитарно-медицинской литературе этот же вопрос обсуждался уже с точки зрения здоровья не скота, а людей. И было что обсуждать. В избе не только [illegible] теплый корм (в том

---

[48] Шенников А.А. Домашний скот и скотный двор... С.94-96, I36,I67,I68,I74.

числе описанным выше способом - горячими камнями с "каменки"), но и кормили весь скот тут же из стоявшего посреди избы огромного долбленого деревянного корыта - "комяги", для чего всех животных, включая взрослых коров и лошадей, по очереди заводили в избу. Навоз выгребали из изб лопатами. Спать на полу на подостланной соломе, если не хватало мест на нарах и лавках (а их в неразделенной семье всегда не хватало), было небезопасно, - не были редкостью случаи, когда спящих, особенно детей, давили крупные животные и кусали свиньи, не говоря уже об инфекционных болезнях и паразитах и тем более не говоря о постоянном запахе.

Правда, историки архитектуры и особенно искусствоведы в своих описаниях крестьянского зодчества обычно тщательно обходили весь этот неэстетический круг вопросов, а этнографы иногда даже прямо отрицали содержание скота в избах, - они ведь видели эти избы только во время своих летних этнографических экспедиций, когда животных в избах не было. Но зато врачи, ветеринары, а также земские агрономы, статистики, сельские священники, учителя и прочие многочисленные авторы описаний, по долгу службы посещавшие крестьянские избы не только летом, но и зимой, и даже жившие в них, равно как и изредка заезжавшие в деревни журналисты и публицисты не стеснялись изображать ситуацию со всеми натуралистическими подробностями.

Все это еще наблюдалось вплоть до начала нынешнего столетия у южнорусских крестьян и у многих неславянских народов практически везде, сплошь, а у русских в лесной зоне - местами, в виде тех или иных пережитков, достаточных для восстановления картины еще очень недавнего прошлого. На северо-западе, где, как мы видели, в XVI в. стойловое содержание скота было уже относительно неплохо развито, тем не менее в XIX в. еще повсюду зимовали в избах новорожденные животные и куры. В Псковской и Тверской губерниях в середине XIX в. еще наблюдался в избах и крупный взрослый скот. В 1926 г. М.И.Артамонов (впоследствии очень известный археолог, начинавший свою деятельность как этнограф) писал о своей родине - Краснохолмском уезде на севере Тверской губернии: "Всего лет пять тому назад, как умерла бабушка Гвоздиха, над которой вся деревня смеялась, что она до-

ить корону загоняет в избу"[49]. Когда эта бабушка была молодая, это было еще совсем не смешно.

А.Хутеврис всего этого не знал, - как уже сказано, он видел лишь пустые деревни и трупы крестьян. Но проезжавший той же дорогой немного раньше, в 1602 г., А.Гюльденшерна, член свиты герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского (того самого злополучного жениха дочери Бориса Годунова, который приехал в Москву и там умер от дизентерии), писал, что члены посольства не могли ночевать в избах "по причине вони" и спали на улице в палатке[50]. Это было еще до шведской оккупации, это была обычная обстановка русских крестьянских изб того времени.

Теперь многое понятно. Избы были поземные и без сеней не только потому, что неудобно было бы гонять скотину по лестницам и через несколько дверей, но и потому, что при наличии в избе животных помещение под полом ни для чего нельзя было использовать. А неотапливаемые кладовые-спальни по сравнению с избами оказывались достаточно привлекательными, и не только для неразделенных, но даже и для малых семей.

Так перед нами выстраивается вся цепочка причин и следствий, объясняющая непонятную на первый взгляд ситуацию. В относительно малонаселенной лесной местности была еще достаточно рентабельна и эффективна если не чисто переложная, то комбинированная система земледелия, при которой удобряемая ближняя пашня сочеталась с неудобряемой, но периодически запускаемой в перелог дальней. Последняя из-за применения подсечно-огневого способа расчистки после перелогов требовала больших производственных коллективов и потому неразделенных семей. Но она не требовала навоза, поэтому стойловое содержание скота было нужно только для "удворной" пашни, значительная часть скота оставалась на бесстойловом содержании и нуждалась в подкормке теплым кормом. Для этого использовалась изба, люди старались, по возможности, там не спать, и не имело смысла усовершенствовать избу, пока из нее не был убран скот.

---

[49] Артамонов М.И. Постройки Краснохолмского района // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С.39.

[50] Щербачев Ю.Н. Путешествие Его Княжеской Светлости ... С.II,I3.

Конечно, крестьяне отлично понимали, что можно было бы сделать избы более благоустроенным жилищем, увеличив количество и качество хлевов и мшаников во дворах и освободив избы от скота. Перед глазами этих крестьян было достаточно примеров такого благоустройства в городах и в усадьбах феодалов. Но до того ли было этим крестьянам, задавленным непосильными податями и повинностями, разоряемым и войсками, и дерущимися между собой помещиками, и разбойниками, и частыми неурожаями, падежами скота, эпидемиями... На Севере с его почти сплошь черносошным крестьянством многие из перечисленных бед отсутствовали или были слабее выражены, и это не замедлило сказаться, - там в конце XVI в. крестьянская строительная культура уже сильно ушла вперед по сравнению с Северо-Западом. Здесь же, где крестьяне едва сводили концы с концами (а многие и не сводили, но вымирали целыми уездами, что и видел А.Хутеерис, или бежали на Дон, в Сибирь и т.д.), им ничего другого не оставалось, как направлять свою изобретательность на улучшение не изб, а неотапливаемых кладовых-спален.

Возвращаясь к вопросу о внутреннем устройстве избы, обратим внимание еще на одну особенность. Принято считать, по этнографическим материалам конца XIX - начала XX вв., что обязательным и очень древним элементом устройства избы был "красный" или "святой" угол, где находились иконы и стоял стол. На рисунке А.Хутеериса не видно ни икон, ни стола. Правда, при обоих вариантах реконструкции плана избы угол с иконами мог оказаться у стены, не попавшей в разрез, или в глубине избы, где в темноте ничего не видно. Однако, так ли уж необходимо гадать, где тут мог быть "красный" угол, после всего, что сказано о пребывании скота в избе и о всех следствиях этого? Ведь по церковным правилам иконы должны были находиться прежде всего в помещениях, где люди спали, в других частях жилого дома их наличие не возбранялось, но не было обязательным, в отношении же специальных животноводческих помещений прямых указаний на этот счет не было, по-видимому, лишь потому что и без указаний само собой разумелось, что иконам там не место. Этнографических сведений об иконах в хлевах или конюшнях также не имеется. Так надо ли непременно предполагать наличие икон в новгородской крестьянской избе XVI века, где одни не всегда

и не все члены семьи (а иногда и никто не спал), но скотина бывала в течение всей зимы непрерывно?

Действительно, в 1581 г. итальянец П.Кампани сообщил, что хотя вообще у русских принято иметь в доме "на самом почетном месте" иконы или кресты, но иногда их нет, и в этих случаях не полагается креститься при входе[51]. Это относится, по-видимому, к Москве и Подмосковью, и не исключено, что в более удаленных от столицы местах изб без икон могло быть и больше. Но где же находились иконы?

Еще в XII в. новгородского епископа Нифонта запрашивали: "В клети иконы держачи или честьный крест, достоит ли быти с женою своею?", на что последовал ответ: "Ни в грех положена своя жена"[52]. Исследователи русской культуры много раз обсуждали этот текст, но видели в нем только доказательство наличия икон в избе. Они, с одной стороны, вслед за И.Е.Забелиным считали, что слово "клеть" может означать любой сруб, в том числе и избу, причем, согласно тому же И.Е.Забелину, полагали, что если русские крестьяне в XIX в. держали иконы в избах, то только так могло быть и сразу после "крещения Руси". С другой стороны, все были уверены, что "быти с женою своею" крестьянин мог только в избе, как это и происходило повсеместно в малых семьях с одной супружеской парой в конце XIX - начале XX вв. Но о неразделенных семьях и особенностях их быта, в том числе и о неотапливаемых кладовых-спальнях, эти исследователи еще не имели достаточного представления. Теперь, когда мы уже знаем, что означало на самом деле слово "клеть", кажется ясно, что Нифонта запрашивали о допустимости "быти с женою своею" именно в клети - кладовой-спальне, где и находились икона или крест, а не в избе.

Это подтверждается и тем, что даже гораздо позже отмечались отдельные случаи нахождения икон в клетях. Например, на южной окраине России в смежных уездах Новооскольском и Бирюченском иконы в клетях отмечены дважды: в начале XVIII в. и

---

[51] Голованова Л.Н. Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани // Вестник Московского ун-та. История. 1969. № 6. С.84.

[52] Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других церковных лиц // Русская историческая библиотека. Т.6. СПб., 1908. С.52.

еще раз сто лет спустя[53].

Как видим, отсутствие икон в избе, изображенной А.Хутееримсом , не должно вызывать удивления. Они, вероятно, находились в клетях. А.Хутеерис ничего не сообщил о кладовых-спальнях, потому что, не видев живых крестьян и не наблюдая их быта, он, конечно, должен был принять клети за обычные амбары. Но на его рисунках имеются изображения неизвестных построек, которые можно принять за клети. Например, в деревне, показанной на нашем рис.I4, на заднем плане видны две высокие, явно двухэтажные постройки, которые можно сопоставить с односрубными клетями на хлевах на шестачкиной половине двора.

Но отсутствие икон или крестов не означает, что в избах не было небольших треугольных полочек в углах - так называемых "божниц", на которых в XIX в. и позже ставились и нередко по сей день стоят иконы. А.Хутеерис не нарисовал "божницу", но она могла быть в углу, не попавшем в разрез, да А.Хутеерис мог ее просто не заметить в темноте из-за ее малого размера и непонятного назначения. Название "божница" - не христианское, ибо икона - не бог, и не случайно православное духовенство возражало против термина "божница" и предлагало называть эту полочку греческим словом "киот". Давно высказано предположение, что на "божнице" в языческие времена стояли не иконы или кресты, а "боги" - деревянные идолы. Действительно, археологи находят таких идолов на местах разрушенных изб, а этнографам известны случаи, когда почти до наших дней на "божницах" за иконами прятались деревянные человеческие фигурки - якобы детские игрушки, по объяснениям крестьян. На таких же полочках стояли идолы и в культовых постройках неславянских народов Европейской России, сохранивших язычество[54].

Не видим ничего невероятного в том, что не только в дохристианские времена, но и в XVI в. новгородские Неудачки и Шестачки, не дававшие себе труда даже запомнить собственные

---

53 Акты Оскольского края // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863, вып.I, С.428; Карабцов М., Елисеенков И., Томашевский П. Описание г.Бирюча и его уезда. Рукопись, 1811 // Российская национальная библиотека. Книжный фонд Вольного экономического об-ва. № 42, I0/35-I. С.25.

54 Шенников А.А. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Л., 1990. С.47.

православные имена, имели в своих избах "божницы", на которых стояли не иконы, как в клетях, а деревянные фигуры, например, "скотьего бога" Велеса, как раз очень уместные в помещениях, где кормили весь скот и подолгу держали многих животных.

Мы довольно подробно изложили все то, что нам известно о назначении и внутреннем устройстве крестьянских изб лесной зоны и более или менее сопоставимо с нашим документом и с рисунками А.Хутеериса. Как применить все это к реконструкции конкретных изб Неудачки Петрова и Шестачки Андреева – скажем ниже, после рассмотрения еще некоторых вопросов, касающихся строительно-технических особенностей этих построек.

КРЫШИ

На нашем рис.2 показаны на избах и других постройках крыши, устройство которых не очень понятно даже специалистам, а неподготовленным читателям, очевидно, вовсе непонятно. Тут нужны специальные объяснения.

Существует мнение, особенно среди историков архитектуры, что в лесной зоне Европейской России с начала существования Руси, то есть не позже чем с конца I тысячелетия н.э., на срубных постройках господствовали крыши так называемой самцово-слеговой конструкции и драничные кровли.

Заметим, что даже специалисты нередко путают термины "крыша" и "кровля". Поэтому мы вынуждены объяснить, что кровля – это только верхний слой крыши, защищающий постройку от дождевой и снеговой воды, а крыша – это вся конструкция, включая и кровлю, и стропила или иные детали, несущие кровлю, и устройства для утепления, удаления воды и еще многое другое.

На рис.I5-А,Б – схема самцово-слеговой крыши и ее основной несущей конструкции, с которой снята кровля. Две противоположные стены сруба имели треугольные завершения, которые назывались "самцы". В них врубались бревна, параллельные двум другим стенам сруба, это "слеги". Верхняя слега называлась "коньком", "коньковой слегой", "князевой слегой". Самцы со слегами образовывали каркас двухскатной крыши, на слеги настилалась та или иная кровля. Драничная кровля состояла из "драни" или "дранниц" – толстых досок, вытесанных из расколотых вдоль бревен и имевших профиль наподобие желоба. Их настилали в два слоя, "вразбежку", так что верхние дранины перекрывали щели между нижними (рис.I5-В). Верхние концы дранниц прижимались к конько-

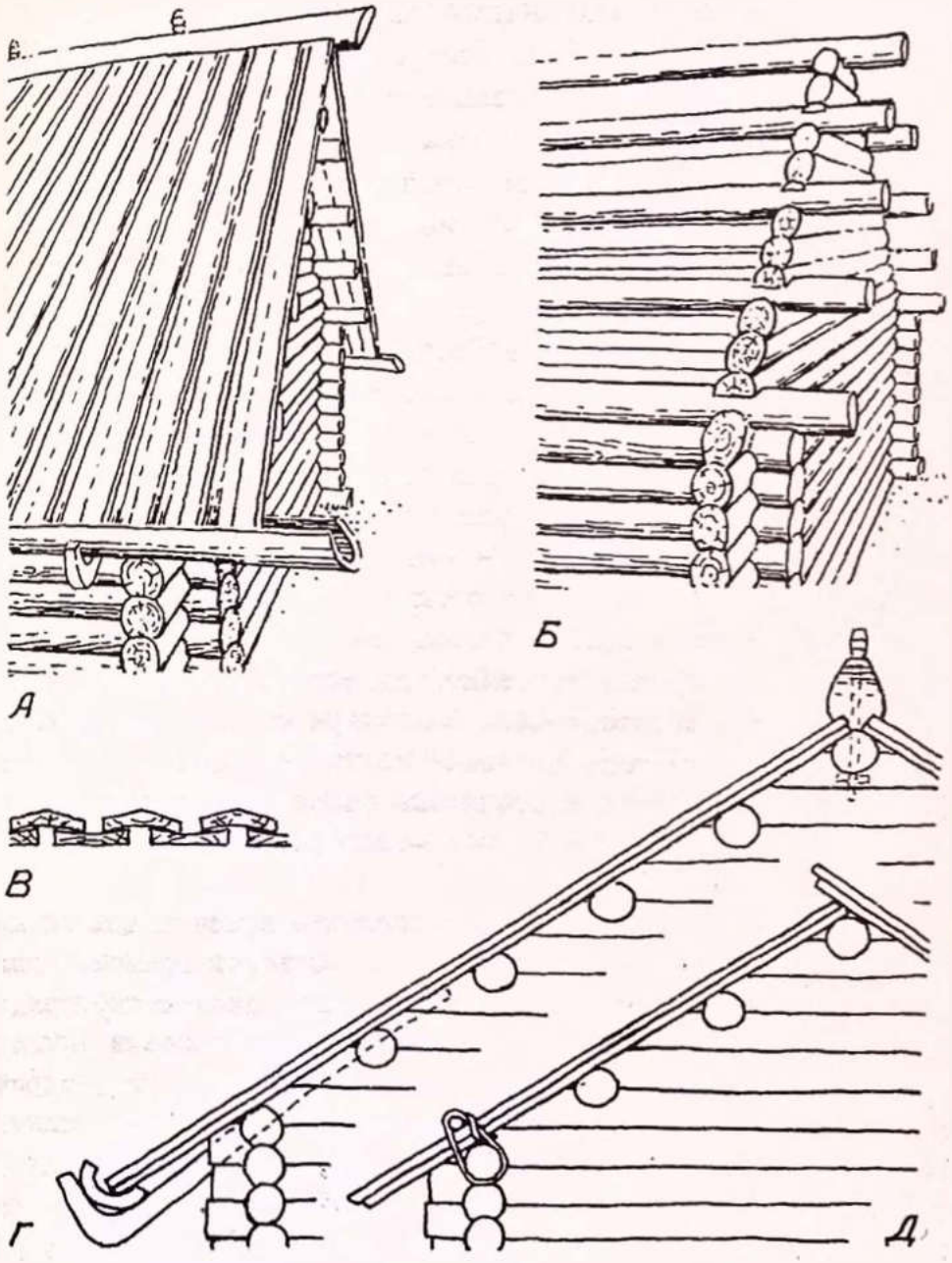


Рис.I5. Самцово-слеговая конструкция крыши.

вой слеге массивным бревном специального профиля - "охлупнем". Нижние концы драниц упирались в выдолбленный из бревна водосточный желоб, который лежал на выпущенных за пределы сруба так называемых "курицах" - тонких бревнах с крюками на концах, вырезанных из дерева с корнями и врубленных в слеги (рис.I5-Г).

Эта классическая схема самцово-слеговой крыши с драничной кровлей упрощалась на небольших постройках: не делали ни охлупня, ни желобов на курицах, на коньке драницы одного ската перекрывались концами драниц другого ската, а чтобы драницы не сползали, их прижимали к слегам жердями, положенными сверху поперек драниц и привязанными к слегам (рис.I5-Д).

В конце XIX – начале XX вв. самцово-слеговые крыши, крытые дранью, были еще широко распространены у крестьян на Севере, хотя и там дрань уже заменялась "тесом" – пиленными досками, уложенными так же, как драницы, но более тонкими и легкими. В средней полосе и на северо-западе Европейской России в это время самцово-слеговые крыши повсеместно заменялись стропильными, применяемыми и по сей день, драничные кровли были уже почти везде заменены тесовыми, а на смену тесовым быстро распространялись "дранковые" кровли. "Дранка", в отличие от драни, – кровля из мелких тонких щепочек, прибитых гвоздями в несколько слоев. А теперь и дранковые кровли исчезают, заменяемые волнистым асбоцементом заводского изготовления. Благодаря такому общему порядку эволюции исследователи, начавшие изучение крестьянских построек именно с Севера и не встречавшие более старых конструкций крыш и кровель, решили, что самцово-слеговые крыши, крытые дранью, были древнейшими.

Но дело было сложнее. Самцово-слеговые крыши с дранью действительно были известны на Руси с домонгольских времен, судя по многим находкам их деталей при археологических раскопках, но только в городах. Может быть, эти данные можно отнести также к сельским усадьбам феодалов и церковным постройкам, но распространять их на крестьянские нет оснований. В XVI–XVII вв. такие крыши упоминаются в документах и на крестьянских постройках, но только на Севере. По рисункам этого времени они видны по-прежнему на постройках горожан и феодалов, на храмах, но не на крестьянских строениях. Везде, кроме Севера, у крестьян до конца XVII в. нет признаков широкого применения самцово-слеговых крыш с дранью. Но имеются сведения о применении на крестьянских постройках даже в XVII в., а тем более, значит, в XVI в. некоторых более старых конструкций и материалов, которые в конце XIX – начале XX вв. в лесной зоне Европейской России у русских крестьян уже не встречались или встречались редко, а потому и не были

замечены исследователями.

Обратимся опять к А.Хутеерису, который специально интересовался крышами и кровлями и подробно их описал. Он сообщает, что у обычной избы "верх большей частью плоский, сложен из одинаковых бревен, плотно прилегающих друг к другу; иногда сделан вроде крыши; над бревнами – доски, а на них – покрытие из березовой коры, наподобие шифера, куски которого налегают один на другой (имеется в виду естественный шифер – камень, из которого во многих районах Западной Европы делали кровлю вроде черепицы; – А.Ш.). На квадратные куски березовой коры, размером около полутора-двух футов, уложен дерн, вырезанный из земли, сверху поросший травой. Такая кровля получается очень плотной. Березовая кора сохраняется много лет без гниения. Если крыша состоит только из бревен, между ними и на них укладывают кожу или растущий на болотах камыш, на это насыпается примерно на один фут земли и кладутся еще куски дерна. Но первый род кровли лучше"[55]. (I фут – около 30 см; точнее сказать не можем, так как в Западной Европе бытовало несколько сходных, но не совсем равных мер длины под этим названием).

Очевидно, имеется в виду крыша либо из сплошного слоя бревен, уложенных на сруб горизонтально, то есть, по-русски, накат, что и показано на приведенном рисунке А.Хутеериса (рис.II); либо, если можно так сказать, двухскатный накат ("иногда сделан вроде крыши"), где на самцах вместо слег, врубленных с некоторыми промежутками, лежат бревна сплошным слоем. Обе конструкции крыши (не говоря пока о кровле) были и в конце XIX – начале XX вв. хорошо известны у русских крестьян Европейской России, только не на избах. Горизонтальный накат применялся у небогатых крестьян на различных мелких хозяйственных постройках, на банях, на сезонно-обитаемых жилищах – полевых, сенокосных, охотничьих "избушках" и т.п., двухскатные же крыши со сплошным бревенчатым настилом по скатам, обычно бесчердачные, делались прежде всего на клетях и амбарах.

У неславянских народов на востоке Европейской России горизонтальные накаты в конце XIX – начале XX вв. не были редкостью и на избах в деревнях, особенно у башкир. А во всей

---

55 Goetooris A. Journaol der Legatie ... P.38.

Сибири горизонтальные накаты часто применялись на избах небогатых крестьян у многих народов, не исключая и русских.

Из приведенного текста А.Хутеериса создается впечатление, что на крестьянских избах были наиболее распространены именно горизонтальные накаты, а двухскатные встречались лишь "иногда" ("вроде крыши", то есть вроде западноевропейской двухскатной крыши; горизонтальный накат А.Хутеерис вообще не считал возможным называть крышей). Но на рисунках А.Хутеериса горизонтальные накаты хотя в ряде случаев и видны, однако далеко не преобладают. Может быть, А.Хутеерис зарисовал с натуры несколько конкретных селений, где преобладали как раз двухскатные крыши, но видел и другие селения и мог судить по большому материалу, какие крыши были характерны.

Правда, по всем другим описаниям и рисункам иностранцев XVI-XVII вв. преобладали двухскатные крыши, но все эти сведения относятся либо только к городской застройке, либо к крестьянской лишь в придорожных селениях вдоль самых больших дорог, где крестьяне были несомненно богаче среднего уровня благодаря торговле, извозу и другим несельскохозяйственным промыслам. А.Хутеерис - единственный иностранец, подробно описавший и зарисовавший крестьянские постройки русской "глубинки" тех лет, так что его сведения о преобладании горизонтальных накатов все же заслуживают внимания.

Двухскатные крыши, нарисованные А.Хутеерисом, во многих случаях можно определить как упомянутые бесчердачные крыши со сплошным бревенчатым настилом по самцам, - это видно по концам бревен настила. По-видимому, такие же крыши (опять-таки не говоря пока о кровлях) позже были и на многих избах, показанных в "альбоме Мейерберга" и на известном плане-панораме Тихвинского посада и окрестных селений, 1678 г.[56] Об этом можно судить по тому, что на торцевой стене каждой избы показаны три окна: по краям два осветительных, а посредине и выше их - дымовое, причем последнее расположено выше краев крыши, что возможно лишь при отсутствии чердачного перекрытия.

---

[56] Сербина К.Н. Очерк социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI-XVII вв. М.-Л., 1951. Приложение.

Другая конструкция двухскатной крыши, не описанная в тексте А.Хутеериса, показана на приведенном выше его же рисунке (рис.I4). На нескольких постройках видны, вместо самцов, открытые фронтоны и стропила. Но это не такие стропила, какие повсюду вытесняли самцово-слеговую конструкцию в XIX в. Последние на крестьянских постройках представляли собой треугольные стропильные фермы, обычно простейшие, реже с затяжками на середине высоты и другими усложнениями, но, как правило, без средней стойки. А на рисунке показаны более примитивные "наслонные" стропила, опертые нижними концами на боковые стены, а верхними - на коньковое бревно, лежащее на двух стойках, поставленных на торцевых стенах сруба .При открытых фронтонах такая крыша требует чердачного перекрытия, имеющего, если нужно, утепляющую земляную засыпку.

Такие крыши тоже известны на постройках русских крестьян Европейской России, и тоже не на избах, а на небольших или временно обитаемых постройках. И точно так же, как и горизонтальные накаты, эти крыши на наслонных стропилах и с открытыми фронтонами встречались чем дальше на восток, тем чаще, в Приуралье у неславянских народов - и на избах, а в Сибири - на избах и русских крестьян.

При этом у всех народов четко прослеживается эволюция от упомянутых горизонтальных накатных крыш (рис.I6-А) к двухскатным на наслонных стропилах. Сначала над горизонтальным накатом с дерновой кровлей клали прямо на сруб одно бревно и на него опирали драничную кровлю с очень небольшим уклоном (рис.I6-Б). Потом конек постепенно поднимали, подкладывая под него обрубки бревен наподобие поленницы дров (рис.I6-В). Наконец, эти подкладки заменяли вертикальным бревном - "стояком" (рис.I6-Г). При малых размерах постройки и драничной кровле нередко вовсе не делали стропилин, так как сами дранницы были достаточно прочны и не прогибались от собственного веса и снеговой нагрузки.

Стропильные крыши, без более точного описания их конструкции, упоминаются в XVI-XVII вв. и в некоторых других сочинениях иностранцев о России[57]. Можно думать, что имеют в виду именно

---

57 Адам К. Первое путешествие... С.64; Левинсон Н.Р. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии в I666-I670 гг. // Исторические записки. Т.I7. М., I945. С.299.

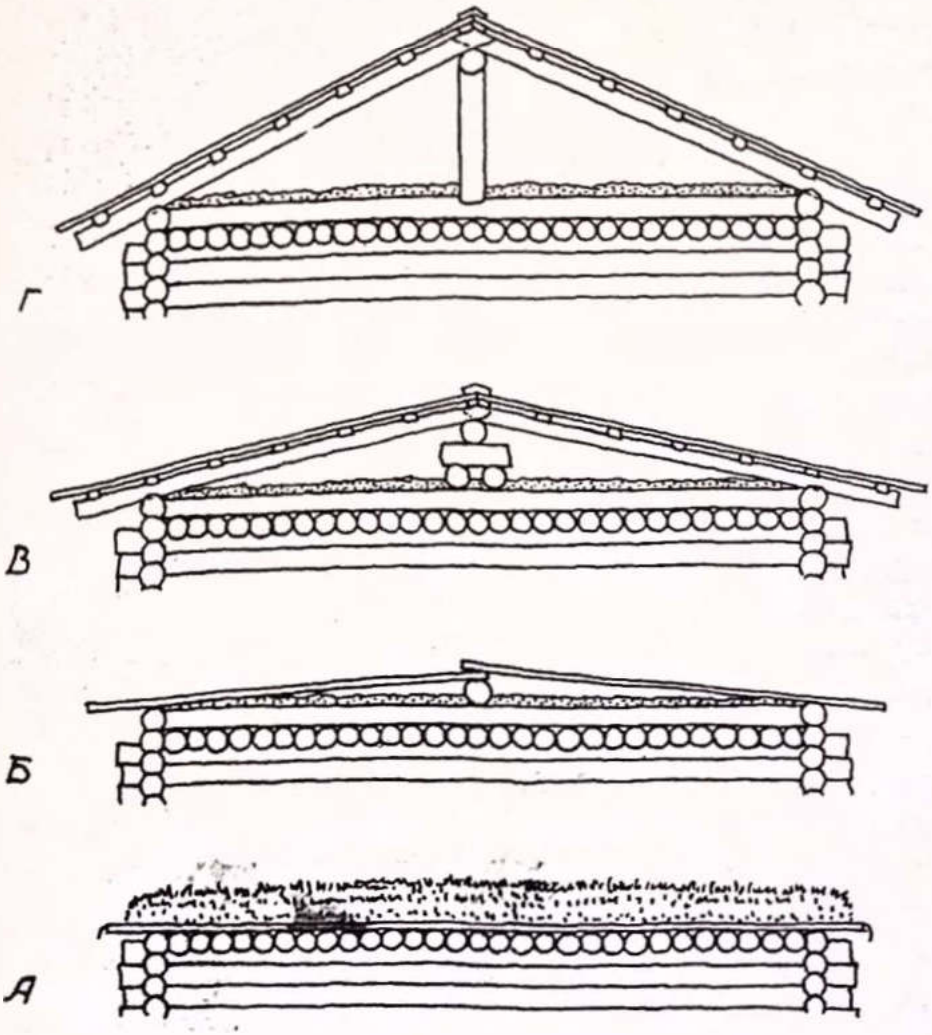


Рис.16. Ранние стадии развития стропильной крыши.

наклонные стропила. Заметим, что двускатные стропильные крыши с фронтонами, обшитыми досками, с образованием закрытого чердака, - по-видимому, сравнительно новое явление на крестьянских избах, хотя сейчас такие фронтоны распространены повсеместно. Появились они вряд ли раньше конца XVII - начала XVIII вв., а господствующими стали еще позже.

Изображения подобных фронтонов в книге А.Олеария, который ездил по России в 1630-х гг., - это несомненная ошибка немец-

кого гравера при недосмотре автора (существование собственных зарисовок А.Олеария вообще весьма сомнительно). Сначала была срисована гравюра из книги А.Хутеериса, где на водяной мельнице на р.Нарове, вероятно эстонской, показана стропильная крыша с фронтоном, обшитым тростниковыми снопами (такие фронтоны мы еще видели в бассейне Наровы и Чудского озера у русских крестьян в 1950-х гг.). Гравер не понял, что это такое, нарисовал вместо снопов тростника доски, а потом повторил эту "конструкцию" на всех постройках от Нарвы до Москвы[58].

Столь же нова и общеизвестная в настоящее время конструкция горизонтального чердачного перекрытия под двухскатной крышей, как самцово-слеговой, так и стропильной: поперек сруба кладут балку-"матицу", на нее опирают настил из досок, которые вдвое короче бревна сруба (иногда делают и две матицы с настилом из совсем коротких дощечек), сверху укладывают тот или иной утеплитель. Но даже в конце XIX - начале XX вв. еще встречались в старых избах перекрытия в виде сплошного наката из бревен той же длины, что и бревна сруба, и без матицы. Короткие доски на матицах появились, очевидно, ради экономии строительного леса.

Этнографы считают матицу очень древней деталью, потому что в конце XIX - начале XX вв. наемные плотники, строившие избы для богатых крестьян (небогатые строили себе сами), сопровождали установку матицы разными обрядами, в которых этнографы видят пережитки язычества. Мы отнюдь не отрицаем наличие большого количества пережитков язычества в крестьянском быту. Но в данном случае, во-первых, наемные плотники стали обслуживать крестьян вообще не ранее чем в XVIII в., до этого просто не было таких богатых крестьян, которые могли позволить себе роскошь нанимать плотников (за исключением, может быть, отдельных случаев на Севере). Во-вторых, обряды при установке матицы неизменно заканчивались одним "обрядом" - выпрашиванием подачки у заказчика, что больше похоже на обычные раннекапиталистические порядки, чем на пережитки язычества.

Особый и довольно сложный вопрос - о кровлях. На двухскатных крышах всех конструкций описанная А.Хутееримом дерновая кровля на подкладке из листов бересты, уложенных внахлест, в конце XIX - начале XX вв. уже не встречалась у русских крестьян Европейской России и была у них давно и прочно забыта. Но опять-таки в Приуралье она еще встречалась у неславянских народов, а в Сибири - и у русских крестьян. Кроме того, такие кровли до недавнего времени были широко распространены, да, кажется,

---

58 Шенников А.А. Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А.Хутееримса... С.133,141.

и по сей день еще не перевелись в Норвегии, Швеции и отчасти в Финляндии. В Скандинавии они давно и подробно изучены и описаны, выявлены многие их варианты и конструктивные детали и показано, что их популярность объясняется очень большой долговечностью, достигающей 60 лет[59]. Это больше, чем долговечность любой кровли, применявшейся на крестьянских постройках Европейской России в конце XIX - начале XX вв., и едва ли не больше, чем долговечность современных рубероидных и асбоцементных кровель на аналогичных двускатных крышах (во всяком случае, ни одна рубероидная или асбоцементная кровля пока еще не простояла 60 лет).

Дело было в том, что слой дерна защищал бересту, и без того очень долговечную, от прямого солнечного света, от пересыхания в сухую погоду, от резких и быстрых колебаний температуры, не позволял берестяным листам коробиться, скручиваться, обрастать мхом и т.д. На бесчердачных крышах утепленных помещений, особенно изб, дерновые кровли одновременно служили и теплоизоляцией, в этих случаях слой дерна делался несколько толще.

Почему же эти очень хорошие кровли в Европейской России давно вышли из употребления? Ответ прост. Для получения крупных кусков бересты были нужны большие, взрослые деревья, которые после снятия коры погибали. Поэтому берестяные кровли были возможны только при малой плотности населения, когда уничтожение берез уравновешивалось их естественным приростом. Рост населения быстро делал этот материал дефицитным. Тем более, что, с одной стороны, бересту употребляли не только для кровель, но и на множество других изделий, от лодок до посуды, лаптей, мелкой утвари, на бересте даже писали. А с другой стороны, с ростом населения не только исчезали крупные березы, но истреблялся вообще всякий лес, то есть сокращались те территории, где береза может расти.

Дерновые кровли на берестяной подкладке применялись не только на бесчердачных двухскатных крышах со сплошным настилом из бревен, но и на других скатных крышах, в том числе и при

---

[59] Phleps H. Holzbaukunst : Der Blockbau. Karlsruhe, 1942. S. 81-84.

наличии утепленного чердачного перекрытия. В этих случаях на слеги или стропила укладывался, по-видимому, просто досчатый настил, а на него - береста и дерн. Последний здесь имел прежде всего противопожарное значение. О такой обкладке крыш дерном в Москве и других городах издавались специальные указы. Конечно, эта преимущественно противопожарная обкладка крыш дерном была нужна прежде всего в городах и в крупных селениях с плотной застройкой, особенно подверженных опустошительным пожарам. Но на Новгородской земле в конце XVI в. этот прием, по-видимому, был распространен и в небольших селениях. На всех рисунках А.Хутеериса все крестьянские постройки с двухскатными крышами, а также и большие помещичьи хоромы в Дидерине показаны с кровлями, изображенными мелкой темной штриховкой. Это не дрань и не снег. Похоже, что это именно дерн. О том, что А.Хутеерис знал, что такое дрань и отличал драничные кровли от дерновых, свидетельствует рисунок церкви в погосте Романове, где дрань показана с полным знанием дела.

Замечание А.Хутеериса о том, что применялись и кровли без бересты, с прокладкой под дерном кожи или камыша и с усиленной земляной засыпкой, причем эти кровли были все же хуже, чем с берестой, говорит о том, что в начале XVII в. недостаток бересты уже начинал чувствоваться. Действительно, немного позже по гравюрам в книге А.Олеария 1630-х гг., в "альбоме Мейерберга" 1661 г. и на ряде более поздних изображений обкладка скатных крыш дерном уже нигде не видна, везде ясно показана дрань. Но в конце XVI в. в интересующем нас центральном районе Новгородской земли мы еще имеем все основания предполагать значительное, может быть и сплошное применение дерновых кровель на крестьянских постройках.

Облик усадеб и селений с такими кровлями был, с современной точки зрения, достаточно своеобразен, потому что кровли обрастали травой и в сырую погоду ярко зеленели. Вероятно, преобладали крыши с небольшими уклонами скатов, с которых дерн не сползал. От сползания его удерживали горизонтальные жерди, привязанные к слегам, и другие приспособления. В скандинавских странах на таких пологих крышах, поросших травой и имевших притом длинные свесы, доходившие почти до земли, даже

пасались козы.

Менее ясно устройство кровель на горизонтальных накатах. Ясно только из описания А.Хутееписа, что и тут делалась дерновая кровля на берестяной подкладке. На рисунке, изображающем внешний вид и разрез избы с горизонтальным накатом, эта кровля не показана, скорее всего, по вине нидерландского гравера. Но на других рисунках дерн или земля на горизонтальных крышах видны (в описаниях таких кровель у многих авторов часто смешиваются понятия "обкладка дерном" и "засыпка землей", что понятно, ибо засыпка в первый же год обрастала травой и превращалась в тот же дерн).

Однако на горизонтальной крыше ни береста, уложенная отдельными кусками внахлест, ни куски коми или прокладки из камыша, ни усиленные земляные засыпки и глиняные промазки щелей между бревнами не могут спасти от протечек. Но горизонтальные крыши все же применялись. Возможно, что до некоторой степени протечки если не устранялись, то уменьшались созданием очень слабого уклона досчатого настила, уложенного поверх наката, - уклона настолько слабого, что его не заметил ни один из авторов описаний и рисунков с XVII до XX вв. (сруб и накат, во всяком случае, такого уклона не имели). Можно также допустить, что в недолговечных хозяйственных и временных жилых постройках можно было мириться с небольшими протечками. Но в основных избах крестьянских усадеб это было недопустимо, так как вызвало бы очень быстрое гниение и разрушение перекрытия. Как же решалась эта задача? Пока можем предложить лишь гипотезу.

Рубероидные кровли не протекают на горизонтальных или слабо наклонных крышах, если листы рубероида склеены и образуют сплошной ковер. Нельзя ли было делать подобные ковры и из бересты? Оказывается, можно. Во всей тундровой и лесотундровой зонах живущие там кочевники-оленеводы (норвежские горные саамы и ненцы в Европе и подобные народы в Азии) и полукочевники, совмещавшие оленеводство с охотой и рыболовством (ряд групп саамов в Европе, манси, ханты и другие на Урале и в Азии) использовали сборно-разборные жилые палатки конической или пирамидальной формы. В безлесной тундре эти палатки покрывали специальными кровлями, сшитыми из оленьих шкур, но южнее и чем

ближе к лесной зоне, тем чаще применялись покрытия специально обработанной берестой - так называемыми "тисками" (русское название "тиски" - по-видимому, искаженное слово из языка какого-то из местных народов).

Листы бересты, с которых удаляли верхний белый слой, вываривали в кипятке, после чего они становились мягкими, эластичными, и сшивали нитками, сделанными из сосновых или кедровых корней или из оленьих сухожилий. Умели делать швы настолько плотными, что они не пропускали воду не только на кровле, но и в лодках, и в берестяной посуде, где эта технология тоже применялась. Для покрытия, например, конических шалашей применялись сшитые указанным способом полосы до десятка метров длиной, которые навивались на каркас шалаша по винтовой линии. Так можно было изготовлять полотнища любого размера и формы.

Знали и использовали "тиски" и крестьяне-земледельцы на севере лесной зоны, систематически занимавшиеся зимней промысловой охотой, в том числе и русские. На местах стоянок у охотничьих троп ("путиков") стояли неподвижные каркасы шалашей, а охотники несли с собой "тиски", свернутые рулоном, и на время отдыха навешивали ими каркасы. Лесная охота этого типа практиковалась у русских крестьян еще в XУ в. во всей лесной зоне, а на Севере - почти до наших дней.

Саамы (в прошлом известные русским под названием "лопь", "лопари") примерно с XЛ в. стали покрывать свои шалаши тканью западноевропейского производства, но ранее применяли те же "тиски"[60]. А в новгородское время саамы жили не только там, где сейчас (Кольский полуостров, север Финляндии, Швеции и Норвегии), но и гораздо южнее в лесной зоне, занимая, в частности, большую часть Финляндии, всю современную Карелию (карелы жили тогда на Карельском перешейке), а отдельными группами ("лопскими погостами") жили даже близ позднейших Шлиссельбурга и Дудергофа[61], то есть недалеко от интересующей нас местности.

---

[60] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб.,1908. С.179; Scheffer J. Lappland.Frankfurt am Main - Leipzig ,1675. S.221,229.

[61] Кирпичников А.Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.,1984. С.137-144.

Имеются основания считать, что в местностях, в прошлом населенных саамами, среди финнов, карел и русских живут потомки саамов, ассимилированных этими народами, то есть воспринявших их язык, культуру и, в конце концов, их этническое самосознание. Короче говоря, какой бы народ ни изобрел "тиски" первым и из какого бы языка ни было заимствовано их название, вряд ли можно сомневаться, что их изготовление и применение должно было быть известно в XVI в. русским крестьянам на северо-западе, да вероятно и во всей лесной зоне Европейской России.

"Тиски" были известны и всем лесным и лесостепным народам Приуралья и Сибири, опять-таки не исключая и русских. К сожалению, авторы очень многочисленных этнографических и прочих описаний, многократно упоминая и о горизонтальных накатных крышах с обкладкой дерном по бересте, и о "тисках" для берестяных кровель, не уточняли многих деталей. Говоря о бересте на горизонтальных накатах, не объясняли, "тиски" это или отдельные листы; а упоминая "тиски" в качестве кровель, не уточняли, на горизонтальных или наклонных крышах они применялись.

Но, сопоставляя многие описания, можно все же кое-что понять. На наклонных крышах очень трудоемкие и дорогие "тиски" не могли конкурировать с гораздо более дешевыми отдельными листами, уложенными внахлест, которые в этом случае обеспечивали вполне удовлетворительную гидроизоляцию. На горизонтальных же крышах, наоборот, только "тиски" могли спасти положение. Значит, если, например, на севере Екатеринбургской области при раскопках одного из первых русских поселений, возможно конца XVI в., найден кусок многослойной берестяной кровли, в котором некоторые листы сохранили характерные для "тисок" дырочки от швов[62], то хотя и неизвестно, была ли крыша горизонтальной или наклонной, но можно все же с большой вероятностью считать ее именно горизонтальной. А читая этнографические сообщения о применении на горизонтальных крышах какой-то бересты, логично думать, что это были именно "тиски", а не бесполезные для этих случаев отдельные листы бересты.

Таким образом, хотя еще не доказано окончательно, что на

---

[62] Маврина С.П., Овчинникова Е.Б. Деревянные жилые и хозяйственные постройки XVI-XVII вв. на Урале // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С.

северо-западе Европейской России в XVI в. у русских крестьян на постройках с горизонтальными накатами под дерн укладывались именно "тиски", но это кажется весьма вероятным, ибо потребность в этом существовала, материал был налицо, технология должна была быть известна, применение в этих случаях вообще какой-то бересты засвидетельствовано, а никакого другого способа решения этой задачи при уровне техники XVI в. пока не обнаружено.

Неясны еще некоторые конструктивные детали, например, оформление краев горизонтальных накатных крыш. Как на рисунках А.Хутеериса, так и на всех известных нам позднейших изображениях построек с такими крышами не видно никаких намеков на хотя бы небольшие карнизы. Вода, стекая с краев берестяной подкладки, должна была течь прямо по стенам сруба, что опять-таки было допустимо на недолговечных постройках, но едва ли на избах. Можно было делать хотя бы небольшие свесы того досчатого настила под берестой, который упомянут, но не нарисован А.Хутеерисом (или его гравером). Возможны были и иные решения, например, с помощью некоторого расширения верхней части сруба (прием, известный в оборонительном и церковном зодчестве) Но точных сведений о применении каких-либо подобных приемов на крестьянских избах мы пока не имеем.

Еще одна особенность крыш, имеющая отношение к нашей теме. В конце XIX - начале XX вв. взаимное расположение двухскатной крыши и двери избы (однокамерной или в двух- и трехкамерном, но не более сложном доме), как правило, было таково, что дверь была в торцевой стене. Но на рисунках А.Хутеериса, а местами и в "альбоме Мейерберга", в ряде случаев видны двери в боковых стенах изб, под свесами скатов двухскатных крыш. Похоже, что взаимному расположению двери и крыши не придавалось большого значения, по крайней мере в крестьянском строительстве. Может быть, это косвенный намек на то, что двухскатные крыши на крестьянских избах появились вообще не намного раньше конца XVI в., так что какие-то правила и традиции в их расположении еще не вполне установились.

Итак, для реконструкции крыш на избах, а также и на других постройках во дворе Неудачки и Шестачки мы имеем довольно большой выбор вариантов: крыши скатные и горизонтальные, чердачные и

бесчердачные, с разными видами кровель. Однозначно решить этот вопрос мы не можем, но ниже вернемся к нему и попытаемся предложить хотя бы самую, по нашему мнению, вероятную реконструкцию из нескольких возможных.

ПОДЗАВАЛЬЯ

На нашем рис.2 видно, что обе избы стоят не прямо на земле, а на чем-то вроде невысоких пьедесталов, примерно в одну ступеньку высотой и более широких, чем срубы изб. У ближайшей к улице избы Неудачки это возвышение плохо видно из-за стоящей вдоль его края изгороди, у шестачкиной избы оно видно яснее. Что это такое?

В документе только шестачкин "хлевец" назван наземным, остальные постройки наземными или поземными не названы, и, значит, имели полы хоть немного приподнятые над землей. В отношении хлевов и мшаника под клетями мы это уже объяснили наличием галерей перед входами. Но почему не названы наземными или поземными обе избы?

Сопоставление известных нам документов XVI-XVII вв. по Новгородской земле, содержащих описания крестьянских изб, показывает, что большая часть изб не называлась "поземными" или "наземными", но в то же время не упоминались ни высота их полов над землей, ни какие-либо конструкции или помещения ниже полов. Лишь изредка отмечались избы "наземные" или "поземные", а также избы "на мшанике", "на подклете", "на замосте" и "на подзавалье".

Значение слова "мшаник" мы уже объяснили. "Подклет" (в этнографических материалах иногда "подклеть") - это первоначально любое помещение со срубными стенами под клетью, пришедшее на смену столбам, на которых клеть стояла на ранних этапах своего развития (см. выше). Вероятно, в восточнославянском деревянном строительстве клеть на подклете была вообще первым типом постройки с двумя срубными этажами. Поэтому в дальнейшем, по мере появления других типов двухэтажных срубных построек, не только у крестьян, подклетом стали называть нижний этаж не только под клетью, но и под любым вышележащим помещением - под избой, сенями, сенником и др., хотя появились и более специализированные термины - "подызбица", "подсенье", "подсенничье" и т.п. Между прочим, такое расши-

рошное употребление термина "подклет" было одной из причин появления упомянутой ошибочной версии И.Е.Забелина о том, что клетью назывался любой сруб.

Назначение мшаников и подклетов под избами в XVI-XVII вв. было разнообразным, но при любом назначении они встречались главным образом в усадьбах феодалов и богатых горожан, реже у прочих горожан и очень редко у богатых крестьян. И во всех случаях, когда они имелись, они обязательно упоминались в описаниях, так что можно не сомневаться, что под избами Неудачки и Шестачки ни мшаников, ни подклетов не было.

"Взмост", иногда "взмостье" - бревенчатый настил, на который ставилась срубная постройка таким образом, что края настила выступали из-под сруба. Взмост мог лежать прямо на земле, обычно на бревнах-лагах, мог образовывать помост на столбах с перекладинами и мог быть настлан на сруб нижнего этажа двухэтажной срубной постройки, образуя междуэтажное перекрытие под вторым этажом. Под жилым помещением взмост был неудобен, так как в просветы между нижним венцом сруба и бревнами взмоста зимой дуло. Поэтому в XVI-XVII вв. избы на взмостах встречались редко, а позже и вовсе исчезли. Их вытеснили избы более рациональной конструкции, где перекрытие над подклетом настилалось на балках-переводинах, врубленных в стены сруба изнутри. Но под холодными помещениями, например, под верхними этажами двухэтажных крытых дворов на Севере, взмосты встречались и в конце XIX - начале XX вв. Взмосты под избами, так же как мшаники и подклеты, всегда упоминались в документах, и можно считать, что под избами Неудачки и Шестачки их тоже не было.

Остается предположить, что избы, которые не были наземными или поземными и под которыми не было упомянуто никаких других устройств, были именно на подзавальях, которые не упоминались или редко упоминались, потому что это было самое обычное устройство. Мы уже заметили выше на примере оград, что самые распространенные и дешевые конструкции могли не отмечаться в описаниях. Что же представляли собой подзавалья? В XIX и начале XX вв. этот термин был уже забыт или, по крайней мере, этнографы и историки архитектуры его не зафиксировали. Но его можно расшифровать.

При археологических раскопках в Новгороде, Ладоге, Белоозере

в некоторых других городах обнаружены нижние венцы различных срубных построек, начиная с УШ в. (Ладога) и до ХУ в. (Новгород). В ряде случаев вокруг сруба, на расстоянии чаще всего 0,3 - I м от него, лежала бревенчатая обвязка, как бы рама, окружавшая сруб (рис.I7). На углах концы бревен этой обвязки обычно соединялись врубками (рис.I7-А), иногда были подперты снаружи кольями (рис.I7-Б), в некоторых случаях обвязка была врублена в выпущенные концы бревен сруба (рис.I7-В). Известны неполные обвязки (не со всех четырех сторон) и обвязки более чем из одного венца бревен, положенных друг на друга, хотя максимальное количество венцов этого внешнего сруба по раскопкам не определяется[63].

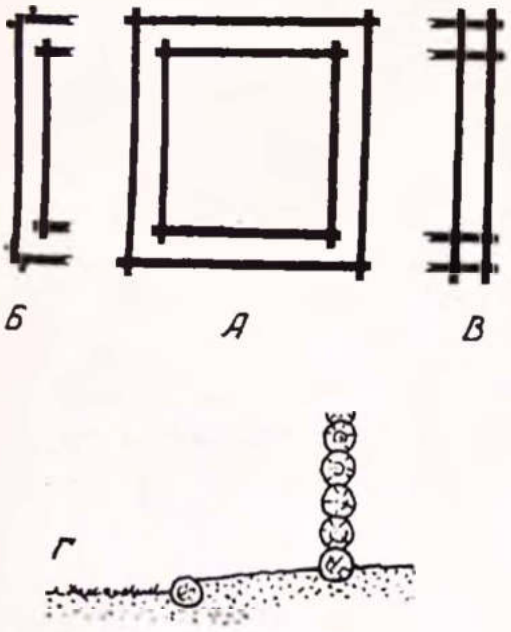


Рис.I7. "Фундаментные площадки" (подзавалья).

Археологи спорят о назначении этих бревенчатых обвязок. Сначала их приняли за остатки так называемых "завалин" или "завалинок", известных в конце XIX - начале XX вв. Некоторые и сейчас придерживаются этого мнения. Но это совершенно неверно.

Под названиями "завалин" или "завалинок" в разных регионах нашей страны подразумеваются существенно различные устройства. На юге Европейской России "завалина" - это утолщение нижней части стены избы, сделанное снаружи обычно из глины или земли и укреп-

---

[63] Важнейшие общие публикации и исследования : Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере: X-XШ вв. М..1973; Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М.,1963, № I23; Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога (новые археологические открытия и исследования). Л.,1985; Рамоникас В.И. Старая Ладога // Советская археология. 1949. № II. 1950. № I2; Спегальский В.П. Жилище Северо-западной Руси: IX-XШ вв. Л., 1972.

ленное подпорной стенкой из плетня, кердей, реже досок. То же самое известно на Украине под названиями "призба", "приспа". Смысл такого устройства – не в утеплении нижней части стены, как полагают этнографы и некоторые археологи. Если уж стена промерзает, то она промерзает сразу по всей высоте, и утолщение одной лишь нижней части от этого не спасает. "Завалина" указанной конструкции защищает стену от дождевой и снеговой воды. А требуется такая защита только для стен из невлагостойких материалов, прежде всего из необожженной глины (известно много конструкций таких стен), а также для срубных, но слишком тонких стен, обмазанных глиной для утепления. Нормальный сруб из бревен не менее чем в 20–30 см толщиной не требует такой обмазки, а значит и "завалины". Более того, "завалина" из глины или земли тут крайне вредна, так как ускоряет гниение нижних венцов сруба. Поэтому в лесной зоне такие "завалины", как правило, не делались.

На юге и юго-западе лесной зоны, в том числе отчасти и в интересующей нас местности, но главным образом все же южнее, в конце XIX – начале XX вв. и до наших дней "завалина" или чаще "завалинка" – это дощатая стенка на расстоянии обычно в 20–30 см от стены, с крышкой сверху, образующая как бы ящик вокруг сруба на высоту 3–5 венцов. Этот ящик не заполняют ни землей, ни глиной, а лишь на зиму засыпают соломой, сухими листьями, опилками или иным утеплителем, а иногда и ничем не засыпают, так как сама замкнутая пустота уже несколько утепляет стену. Но утепляется таким способом не стена избы, а только стена подполья, ибо именно на уровне верхнего края "завалинки" в средней полосе России устраивается пол избы.

Подполье утепляют, потому что в нем хранят картофель и другие неморозостойкие продукты, в то время как стены здесь делаются не всегда из лучшего леса, за недостатком такового. Такие дощатые "завалинки" появились, по имеющимся источникам, не ранее конца XVIII – начала XIX вв., вероятно, главным образом в связи с распространением культуры картофеля, ранее середины XVIII в. в России неизвестного. На Севере, где хорошего леса хватало, подобные "завалинки", так же как и земляные "завалины", никогда не применялись.

Археологи, пустившие в обращение версию о "завалинах" у ладожских, новгородских и прочих средневековых срубных построек в

лесной зоне Европейской России, очевидно, ничего не знали ни о двух значениях этого термина, ни о техническом смысле этих устройств, ни об очень позднем появлении дощатых "завалинок". Не говорим уже о том, что из толстых бревен эти устройства не делались никогда и нигде.

В настоящее время большинство исследователей объясняет найденные бревенчатые обвязки вокруг срубов иначе. Считают, что под срубом устраивалась земляная подсыпка на высоту не менее одного венца, иногда и выше, а ее края, выступавшие за пределы сруба, укреплялись бревенчатой обвязкой (рис.I7-Г). Это делалось либо на сырых, болотистых участках, либо на участках с неровным рельефом, требовавшим выравнивания. Впоследствии это устройство вышло из употребления, потому что в старых поселениях благодаря постепенному нарастанию "культурного слоя" (слоя почвы, связанного с человеческой деятельностью) грунт становился суше и выравнивалась его поверхность.

Это объяснение не только логично со строительно-технической точки зрения, но и подтверждается тем, что подобные подсыпки с бревенчатыми обвязками или, смотря по наличию материала, с каменными подпорными стенками вплоть до начала нынешнего столетия были известны в скандинавских странах и в Эстонии[64]. И хотя у нас исследователи просто не искали такие устройства, а если случайно находили, то не обращали на них внимания, однако среди опубликованных чертежей мы все же нашли чертежи крестьянских домов XIX в. именно с такими земляными подсыпками и бревенчатыми обвязками в Валдайском уезде Новгородской губернии и в Карелии[65].

Судя по скандинавским и эстонским аналогиям, эти подсыпки, выступавшие за пределы срубов жилых построек, имели еще одно назначение. На них было удобно устанавливать поленницы дров, которыми на зиму обставляли постройку снаружи. Дрова хорошо сохли под свесом крыши и в то же время дополнительно утепляли стену. Такое

---

64 Dietrichson L., Munthe H. Die Holzbaukunst Norwegens in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, I893; S.I02; Manninen I. Die Sachkultur Estlands. B.2. Tartu, I933, S.239.

65 Габе Р.М. Карельское деревянное зодчество. М.,I94I. С.32-33. Рис.24,25; Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М.,I962. С.79. Табл.27.

утепление стен до сих пор применяется и в Европейской России по всему южному и юго-западному краю лесной зоны. Южнее оно заменяется обкладкой стен пучками соломы (избу "ухичивают"). Только на Севере этого не требуется, опять-таки благодаря обилию хорошего леса.

К сожалению, авторы упомянутых обмерных чертежей крестьянских построек не поинтересовались, как назывались эти земляные подсыпки под срубами. Археологи сейчас условно называют их "фундаментными площадками". Но нельзя не заметить, что слово "подзавалье" сюда как раз очень подходит. Если слово "завалина" хорошо отражает сущность устройства, где промежуток между стеной дома и невысокой подпорной стенкой засыпается, "заваливается" чем-то сверху (на юге - землей или глиной, в средней полосе - легкими утепляющими материалами), то термин "подзавалье" показывает, что сначала "завали.алась" землей положенная на месте будущего сруба бревенчатая рама, а затем полученная таким путем платформа оказывалась под срубом, поставленным на нее сверху.

Вот почему мы находим возможным отнести термин "подзавалье" именно к устройству, условно названному "фундаментной площадкой". Такие подзавалья мы и изобразили под избами Неудачки и Шестачки. У одной из них мы нарисовали и незаконченную или не до конца разобранную поленницу дров на подзавалье.

ИЗБЫ НЕУДАЧКИ И ШЕСТАЧКИ

Чтобы выбрать из возможных вариантов реконструкции изб Неудачки и Шестачки наиболее вероятные, обратим внимание на некоторые особенности обоих объединенных хозяйств. Неудачкины постройки занимали более удобную переднюю часть двора. Постройка с клетями, хлевами и пристенами у Неудачки имела общую крышу и галерею, то есть была более прогрессивной формы, чем три отдельные клети Шестачки (учитываем, что вообще эволюция шла от разрозненных построек этого рода к объединенным, а не наоборот). Похоже, что на этом усадебном участке, изначально уже довольно тесном, сперва появился двор кого-то из не очень дальних предков Неудачки Петрова, скорее всего его отца, и что это хозяйство знало лучшие времена, от которых и сохранилась двухэтажная постройка с кладовыми-спальнями для неразделенной и довольно многолюдной семьи. В двух клетях могли

размещаться и более чем две супружеские пары в помещениях, разделенных легкими дощатыми перегородками, не отмеченными в описаниях.

Потом хозяйство Неудачки захирело, может быть, в ходе обычного "пульсирующего" развития неразделенной семьи (см. выше), а возможно, и вследствие какого-то врожденного физического недостатка самого Неудачки (такое имя зря не давали!). Тут к нему и подселили семью Шестачки Андреева, тоже по каким-то причинам ослабевшую и потерявшую способность существовать самостоятельно. Неясно, были ли у Шестачки к этому времени вообще трудоспособные родственники, судя по тому, что у него оказались еще бобыли Потомка Федосов и Иванько Петров, которые, вероятно, заняли две из трех однокамерных клетей. Шестачка был вынужден довольствоваться задней половиной двора, куда и перевез со своего прежнего двора доставшиеся ему от предков постройки, может быть, более старые, чем неудачкины, во всяком случае более архаической формы. Правда, весь комплекс хозяйственных построек Шестачки в целом назвать более архаическим нельзя, поскольку у него все-таки имелся мшаник и уже не было помоста-навеса ("пристена"), в котором еще находилась какая-то часть скота Неудачки. Едва ли не от шестачкина прежнего двора сохранилось в тяготевшей к селу Белому деревне Иванкове "место дворовое пусто", доставшееся при переделе тем же двум помещикам Креневу и Боркову, которые вместе получили и новые полдвора Шестачки.

Конечно, это лишь гипотетическая реконструкция истории усадьбы Неудачки и Шестачки. Но эта реконструкция, по крайней мере, не противоречит ни общему порядку крестьянской жизни того времени (точнее, тому, что нам известно об этом порядке), ни [illegible] недостаточным, но все же имеющимся фактам, которыми мы располагаем.

Принимая эту реконструкцию за рабочую гипотезу, можно думать, что изба Неудачки Петрова, полученная в наследство, вероятнее всего, была несколько лучше среднего уровня. Она могла соответствовать тому неписаному, но общепринятому стандарту, который в конце XVI в. еще не дошел до глубинных селений, но уже был принят в городах для изб посадских людей среднего достатка и, может быть, также для изб относительно зажиточных крестьян в придорожных селениях. Это изба уже с двускатной, но еще бесчердачной крышей в виде брезентового шатра на слегах, покрытого досками,

берестой и дерном. Это такая изба, какую 30 лет спустя А.Хутеерис еще считал относительно лучшей.

На ее торцевом фасаде, обращенном к улице, мы нарисовали два маленьких световых окна (так называемых "волоковых", прорезанных между двумя венцами бревен и закрываемых изнутри задвижными ставнями), а между ними и несколько выше - дымовое отверстие. Такое расположение окон, о котором мы уже упоминали как о признаке бесчердачной двухскатной крыши, впоследствии было широко распространено не только в XVII в., но и позже. Но, хотя А. Хутеерис его не нарисовал, оно было известно и в его время, и еще раньше. Если не точные изображения построек с такими окнами, то по крайней мере признаки знакомства с ними можно усмотреть в очень условных, сильно стилизованных книжных иллюстрациях XVI в. А на плане-панораме Москвы 1610 г. (так называемом "Сигизмундовом плане") постройки с этим же расположением окон показаны уже достаточно реалистически[66].

План этой избы мы изобразили подобным позднейшему "северному", то есть с печью в углу у двери, устьем к противоположной стене. Но не с меньшей вероятностью здесь можно допустить и "западный" план. Печь - еще маленькая, вроде той, что нарисовал А.Хутеерис. Как уже сказано, считаем, что изба топилась "по-черному" и не имела дымника. Не было и полатей, хотя при "западном" варианте она могла иметь нары, которые впоследствии при этом плане нар.лились под полатями (эти и некоторые другие детали не показаны). "Божница", вероятно, имелась (не знаем, в каком углу), но иконы ли на не. стояли, - это, как сказано выше, еще вопрос.

Изба Шестачки Андреева, поставленная позади неудачкиной, была, вероятно, похуже, ближе к среднему уровню. Правда, мы здесь не рискнули изобразить такую предельно убогую избу с горизонтальным накатом, какую А.Хутеерис нарисовал как наиболее типичную. Все-таки хозяйство Шестачки до его переселения на двор Неудачки было не самым бедным, судя по другим перевезенным постройкам. Мы изобразили следующую стадию эволюции: избу с горизонтальным на-

---

66 Громов Г.Г. Русское крестьянское жилище XVI-XVII вв. (по графическим источникам) // Вестн. Моск. ун-та : История. 1967. № 3. С.71-75; Жилище // Очерки русской культуры XVI в. Ч.I, М., 1977. С.186,189; Сигизмундов план Москвы // Изв. Археологич. о-ва. 1863. Т.4. Вып.5. Приложение.

катом, но уже с пологой двухскатной крышей над ним, с наслонными стропилами и открытыми фронтонами. Дерновая кровля здесь уже только противопожарная. Кстати, такие же противопожарные дерновые кровли мы показали и на клетях.

Вход в эту избу мы показали сбоку, близ угла, как на рисунках А.Хутееписа. План избы - наподобие позднейшего "юго-западного", но возможны и другие планы. Дымовые отверстия еще малы и вряд ли имеют осветительное значение.

Обе избы - как уже сказано, на подзавальях. Поэтому они поставлены так, что не стены, а края подзавальев расположены по межам дворового участка, а стены - немного отступя от этих меж. Поэтому ограды не примыкают к углам срубов, а проходят вдоль стен, в том числе и перед уличной стеной.

Горизонтальную накатную крышу с утепляющей дерновой кровлей мы не показали ни на одной из изб, но изобразили ее на шестачкином "наземном хлевце". На подобных небольших хозяйственных строениях такие крыши встречались и позже, а на востоке Европейской России и в Сибири они, как сказано, не были редкостью и в XIX в.

ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ

Мы рассмотрели подробно все постройки усадьбы Неудачки и Шестачки, кроме овина. Остается выяснить, насколько эта усадьба была характерна для своего времени, своей местности и для той группы населения, к которой принадлежали ее владельцы. Для этого прежде всего разберем описания еще трех усадеб в том же документе. Укажем также некоторые типы построек, которые в немногочисленных документах по данному району не упоминаются ни разу, но, судя по другим источникам, могли там быть в конце XVI в. Попутно рассмотрим и овин Неудачки и Шестачки, который, как увидим, по ряду причин не может быть реконструирован столь же достоверно, как остальные постройки.

В документе описаны три крестьянские усадьбы в деревне Иванкове, тяготевшей к селу Белому. Не будем разбирать, кому из той же группы бедняков-помешиков достались при разделе эти усадьбы, приведем лишь описания. "Юшка Михайлов, на Юшкове дворе хоромов: изба да клеть, да два хлева, да пристинец, да мыльник...". "Демех Михайлов да бобыль Степанко, племеник его, сестрин сын, тутошной старый жылец, а хоромов во дворе: изба, да клеть, да хлев с ледником, да мыльня...". "Данилко Михайлов, да с ним бобыль Иванько Ямлянин, а хоромов: изба, да клеть, да хлевишко с сенником, да овин у них с Юшком вопчи..."

Одинаковые отчества всех трех крестьян могут означать, что это родные братья, но это не обязательно, так как имя Михаил было достаточно распространенным. Если это и братья, то уже вполне разделившиеся. Не свидетельствует о родстве и общий овин у Юшки и Данилки, - овин обычно обслуживал несколько семей, не обязательно родственных (см. ниже). Бобыль Иванько Ямлянин во дворе Данилки - очевидно, не Ямлянин, а Емлянин. Это прозвище финна, выходца из Центральной Финляндии, из народности хямя, которую русские называли емь. Попасть в новгородскую деревню он мог многими путями - как военнопленный, как беглец из-за каких-то провинностей и т.д. В общем, это были обычные крестьянские семьи с обычным для тех лет постоянным дефицитом рабочих рук и стремлением к увеличению количества работников любыми способами.

Типы построек во всех трех дворах были в общем те же, что у Неудачки и Шестачки, но построек было меньше и они были, по-видимому, помельче и похуже. Двухэтажным был только "хлевишко с сен-

ником" у Данилки, да и тот, судя по уменьшительной форме слова, меньше обычного. Хлевы были у всех, но "пристинец" у Юшки говорит о том, что остатки бесстойлового содержания скота и здесь еще не исчезли. На избах здесь мы не побоялись бы реконструировать и горизонтальные накаты, вроде описанных А.Хутеерисом.

Но даже в этих скромных усадьбах встречаются постройки, которых не было у Неудачки и Шестачки. Так, у Демеха была "мыльня", то есть баня. Вообще в то время бань у крестьян было мало, по одной на несколько дворов. В некоторых местностях, как уже замечено выше, впоследствии бань стало еще меньше, до полного их исчезновения и распространения мытья в печах. Вряд ли приходится сомневаться, что крестьянские бани были небольшими, с горизонтальными накатными крышами (таковые и в XIX в. еще встречались), несомненно "черные" и однокамерные, без предбанников. В усадьбах феодалов предбанники упоминаются, чем лишь подтверждается, что у крестьян их не было. Вероятно, вместо предбанника могла быть устроена перед дверью заборная загородка без крыши, до недавнего времени встречавшаяся в более южных местах (напомним известную картину художника А.А.Пластова "Весна").

Не очень ясно, что такое "хлев с ледником" в усадьбе того же Демеха. Ледник - род погреба, на лето заполняемый льдом, для хранения скоропортящихся продуктов. Под хлевом он не мог быть устроен, можно допустить лишь расположение их рядом, причем напогребица ледника (надстройка над входом в него) могла быть пристроена к хлеву. Но вообще ледник в крестьянской усадьбе был явлением совершенно уникальным, он и в боярских-то дворах встречался очень нечасто. Да и обычные погреба были у крестьян достаточно редки, их было не больше, чем бань. Например, в Тверском уезде в 1580 г. на 360 усадеб упомянуто 63 бани и 52 погреба [67]. Впрочем возможно, что в описаниях отмечались только погреба со срубными напогребицами, но не отмечались погреба с напогребицами в виде жердяных шалашей, которые тоже встречались.

Ни в описании усадьбы Неудачки и Шестачки, ни в других опубликованных описаниях крестьянских усадеб в центре Новгородской земли ни разу не упомянута еще одна хозяйственная постройка - "поварня". Но из этого не следует, что поварен вообще не было у

[67] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.102.

крестьян в данной местности. В Тверском уезде их было 10 на 380 усадеб, единичные упоминания о крестьянских поварнях мелькают в документах XVI-XVII вв. по всему Северу, из чего видно, что они встречались редко, но везде. Поварня - это усадебная кухня, постройка с открытым очагом посредине и с каким-либо устройством для удаления дыма, в простейшем случае щелью между несомкнутыми скатами двухскатной крыши. У крестьян основное назначение поварни - приготовление теплого корма скоту зимой, чтобы хоть частично освободить от этой операции избу. В XVI-XVII вв. поварни несколько чаще встречались у горожан и особенно часто у феодалов, светских и церковных, в том числе и на Новгородской земле. У феодалов они использовались для многих целей, достигали больших размеров и сложности, бывали даже каменными. Есть основания думать, что у крестьян, кроме срубных поварен, могли бытовать и более многочисленные усадебные кухни в виде жердяных шалашей с очагами, что подтверждается многими аналогиями у неславянских народов, но не отмечалось в документах. У русских такие кухни-шалаши назывались, по-видимому, "вежами" [68].

Овин, упомянутый в усадьбе Неудачки и Шестачки и в одной из усадеб в Иванкове - один из типов огневой сушильни. Сушка снопов с помощью огня требовалась перед их молотьбой, производившейся цепами в северной половине Европейской России, где вследствие большой влажности воздуха снопы до молотьбы недостаточно просыхали. В более южных местах снопы сохли без искусственного подогревания. Поэтому огневые сушильни применялись только в лесной зоне и отчасти в лесостепной. В конце XIX в. они везде начали исчезать в связи с распространением механических молотилок, допускавших молотьбу снопов без огневой сушки, "сыромолотом". Сейчас уже почти невозможно встретить уцелевший, а тем более действующий овин или иную огневую сушильню.

В конце прошлого и начале нынешнего столетий овин представлял собой двухэтажную срубную постройку. Внизу был очаг для раз-

---

[68] Шенников А.А. Устройство и назначение поварни // Доклады отдел. и комис. Геогр. об-ва СССР. Л., 1970, вып. 15. С. 111-126; О значениях термина "вежа" // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 73-75; Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья... С. 14; Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Славяно-русские древности. Л., 1988, вып. 1. С. 100-101, 103, 105; О языческих храмах... С. 48-53; Длинный дом и крытый двор... С. 100-101.

ведения огня, междуэтажное перекрытие имело проемы для прохода дыма и топочных газов, наверху устраивались в один или несколько ярусов те самые настилы из жердей - "колосники", о которых мы уже упоминали, говоря о происхождении полатей. Дым и газы, пройдя через снопы, удалялись через вытяжные отверстия.

Применялись два варианта овинов: "ямный", у которого нижний этаж был заглублен в землю, и "верховой", расположенный полностью над поверхностью земли и имевший форму башни. "Верховые" овины применялись там, где высокий уровень грунтовой воды не позволял использовать "ямные". Поэтому "верховые" овины преобладали в северной части лесной зоны, а "ямные" - в южной, хотя везде были известны оба варианта. Не разбираем здесь многие детали овинов - пристройки или приямки для проникновения в огневую камеру, проемы для загрузки снопов на колосники, разные устройства для разведения огня, от простейшего костра до закрытых очагов, похожих на печи и т.д. К овинам нередко пристраивались "гумна" - навесы или сараи для молотьбы и веяния, более крупные, чем сами овины. В огуменнике, где ставился овин, могли быть и другие, не связанные с ним постройки - сараи для соломы и других отходов молотьбы и веяния, помосты, на которые ставились скирды необмолоченных снопов [69].

Но мы не вполне уверены, что именно так выглядели овины новгородских крестьян в конце XVI в. Дело в том, что до начала нынешнего столетия у крестьян Европейской России и Сибири, не только русских, в ряде местностей применялся еще один тип снопосушильни, судя по всему более древний: жердяной каркас конической или пирамидальной формы, вроде каркаса простейшего шалаша, обкладывался снаружи снопами, колосьями внутрь, а под каркасом на земле или в яме разводился огонь, так что дым и газы шли сквозь снопы. Такие снопосушильни назывались по-русски "шиш", "шишок". Они встречались у русских крестьян в Подмосковье, у многих народов, в том числе и у русских, в Среднем Поволжье, а в единичных случаях и во многих других местах [70]. Ранее такие снопосушильни несомненно

---

[69] Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Ин-та этнографии. Нов.серия. М., 1956, т.31. С.295-300; Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 99-103, 292-293.

[70] Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки ... С.300-302; Русские ... С.107-108.

были распространены шире, но границы их распространения пока неизвестны, потому что эти снопосушильни, как и другие деревянные сооружения, могли не отмечаться в описаниях. Однако есть основания думать, что в некоторых случаях они отмечались, но под названием не "шиш" ("шишок"), а "овин".

Так, в Среднем Поволжье неславянские народы, знавшие эти снопосушильни, имели для них названия, производные от слова "овин", а не от слова "шиш". По-видимому, такая снопосушильня была занесена в Среднее Поволжье русскими в середине XVI в. после взятия Казани и заимствована местными народами под русским названием "овин", а название "шиш" появилось у русских позже. Термин "шиш" имел много значений и, между прочим, означал и конический шалаш. Возможно, что снопосушильня с шалашеобразным каркасом была переименована в "шиш" или "шишок" в связи с тем, что название "овин" было перенесено на распространившуюся к тому времени у крестьян срубную снопосушильню.

Таким образом, нельзя исключать, что на Новгородской земле в XVI в. "овином" могла называться не только срубная снопосушильня, но и снопосушильня типа "шиша". Ввиду такой неопределенности, мы нарисовали овин Неудачки и Шестачки лишь общим силуэтом вдали, не вдаваясь в детали.

В усадьбах русских крестьян на северо-западе Европейской России в XVI в., по некоторым документам, встречался еще один тип снопосушильни - рига. Впоследствии риги стали там даже более многочисленны, чем овины, и начали заметно распространяться оттуда в другие регионы Европейской России. Рига отличалась от овина тем, что если в овине колосники располагались над очагом и горячие газы с дымом шли прямо вверх, то в риге колосники находились рядом с очагом, так что дым и газы, поднявшиеся к потолку, шли сквозь снопы сбоку или, в некоторых вариантах риг, даже сверху вниз. По сравнению с овином это обеспечивало несколько большую пожарную безопасность [71].

Существует мнение, что рига занесена в Россию из Прибалтики. Но все сказанное выше о происхождении полатей в русских избах от колосников позволяет отнестись к этой версии критически. Верно, что в Прибалтике риги были широко распространены. Но столь же верно, что русская изба с отоплением "по-черному" и с колосниками на месте будущих полатей - это же и есть не что иное как простейшая рига. А такие избы-риги бытовали, по-видимому, во всей той северной половине Европейской России, где требовалась огневая сушка

---

[71] Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки ... С.300-302; Русские ... С.107-108.

снопов, и надо еще выяснить, здесь или в Прибалтике они раньше появились. Впрочем, не будем спорить о приоритетах и признаем, что само слово "рига" действительно было заимствовано из Прибалтики. Вероятно, это произошло тогда, когда на основе восточно-европейских изб-снопосушилен начали формироваться специализированные снопосушильни, освобожденные от прочих функций избы, и понадобилось дать им название. Но заимствование слова не всегда означает заимствование объекта, к которому оно относится.

Возможно, что вместе со словом "рига" попал из Прибалтики в Северо-Западную Россию и связанный с этой постройкой обычай: после семейных празднеств некоторых их участников выносили из избы в ригу. Отсюда - известное у прибалтийских и петербургских немцев, а от них - и у русских выражение " Nach Riga fahren" - "Поехать в Ригу".

Остается заметить, что срубные снопосушильни - как овины, так и риги - были постройками относительно сложными и дорогими, а действовали только поздней осенью и в начале зимы. Иметь такое сооружение в каждой усадьбе было невыгодно, поэтому в конце XIX в. каждая такая снопосушильня обслуживала не менее 4-5 соседних усадеб, а в XVI в., вероятно, многие крестьяне вообще ими не пользовались, а довольствовались "шишами" или сушили снопы в избах на колосниках. На упомянутые 380 усадеб в Тверском уезде было 28 овинов, а на 82 карельских усадьбы на Карельском перешейке в 1571 г. было 10 риг [72]. Овины и риги были либо в общем или долевом владении, либо владельцы сдавали их внаем соседям.

---

[72] Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.84, 122.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Итак, реконструированная нами усадьба крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева была богаче среднего уровня, хотя, вероятно, изредка могли встречаться и более богатые усадьбы. Обычной же, средней усадьбой была усадьба простой неразделенной семьи. В таких усадьбах жила и значительная часть тех малых семей, которые всегда сосуществовали с неразделенными, но надеялись и стремились стать многолюднее, то есть неразделенными, и сохраняли необходимые для этого постройки, даже если они и не полностью использовались.

Эта средняя усадьба в центре Новгородской земли имела открытый двор с легкой жердяной изгородью. На нем стояли изба, один или, реже, 2-3 хлева или мшаника, столько же кладовых-спален (клетей или сенников). Кладовые-спальни могли быть во вторых этажах над складскими помещениями, хлевами или мшаниками. Встречались помосты-навесы - остатки бесстойлового содержания скота. Гораздо реже и далеко не во всех усадьбах имелись бани, погреба, может быть поварни, огневые снопосушильни в огуменниках и некоторые другие строения. В документах могли не отмечаться некоторые легкие жердяные сооружения - усадебные кухни и напогребицы в виде шалашей, снопосушильни-"шиши" и т.п.

Избы были однокамерные, без сеней или иных пристроек, одноэтажные, большей частью, по-видимому, на подзавальях, то есть немного, на один венец сруба приподнятые выше уровня земли. Они топились исключительно "по-черному" и были в общем весьма примитивны, так как являлись более хозяйственными, чем жилыми постройками (прежде всего в них кормили и держали скот). Гораздо более развитыми в строительно-техническом и архитектурном отношениях были постройки, в которых размещались кладовые-спальни. У относительно богатых крестьян эти постройки были двухэтажными и многокамерными. Именно их надо считать фактически главным, хотя и неотапливаемым жилищем. Они, а не избы, были самыми крупными, заметными постройками в усадьбах и определяли их архитектурный облик. На них же, а не на избах, может быть уже в XVII в. или несколько позже начинали появляться и первые скромные украшения - резьба на столбах и перилах галерей и т.п. (на постройках феодалов и горожан украшения появились раньше).

При сравнении усадеб XVI в. с теми, которые известны в данной

местности этнографам и историкам архитектуры, бросается в глаза прежде всего отсутствие крытых дворов, которые в конце XIX-начале XX вв. были самыми значительными сооружениями крестьянских усадеб, определяли все взаимное расположение частей усадьбы, всю связь между ними. Поражает и убожество изб по сравнению с многокамерными домами конца XIX-начала XX вв. Но кладовые-спальни были гораздо более развиты, чем те небольшие неотапливаемые помещения, которые остались от них в составе многокамерных домов. Как видим, за три столетия, с конца XVI до конца XIX вв., крестьянские усадьбы Новгородской земли, вопреки взглядам И.Е.Забелина, проделали очень большую эволюцию.

Известны основные этапы и даты этой эволюции. Во второй половине XVII в. в придорожных селениях, более богатых, чем обычные глубинные деревни, прослеживается появление первых, пока еще единичных одноэтажных крытых дворов в усадьбах, первоначально служивших, по-видимому, постоялыми дворами. Тогда же отмечается и развитие жилых домов: у изб появляются сени, в богатых домах упоминаются горницы - жилые помещения со специальными отопительными, а не хлебопекарными печами [73]. В XVII в. в этой местности, по-видимому, еще не происходило более широкого распространения крытых дворов, хотя развитие жилых домов продолжалось. Только в XIX в. одноэтажные крытые дворы начали продвигаться из придорожных селений в глубинные и превращаться в обыкновенные дворы рядовых крестьян.

Но даже в середине XIX в., например, вдоль большой дороги Петербург-Новгород-Москва усадьбы с крытыми дворами еще не считались характерными, хотя жилые дома крестьян там в это время уже стали близки к городским мещанским, с соответствующим благоустройством (отопление "по-белому", большие окна и т.п.) и с украшениями. И лишь к концу XIX в. тип крестьянской усадьбы с одноэтажным крытым двором стал на северо-западе Европейской России преобладающим.

Впрочем, в ряде районов, особенно у финноязычных групп кре-

---

[73] Тимошенкова З.А. Крестьянский двор Северо-Западной России во второй половине XVII века // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С.114-117; Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор ... С.120.

стьян Петербургской губернии, даже в это время еще сохранилось немало усадеб с открытыми дворами [74].

Не сомневаемся, что и ранее, до XУI в., усадьбы русских и вообще восточнославянских крестьян тоже как-то развивались и изменялись. У ряда неславянских народов, в том числе и на территории Европейской России, эта эволюция шла позже и потому известны ее более ранние этапы. Когда-то ранее XУI в. и восточные славяне должны были пройти аналогичные стадии развития, но когда именно и с какими местными особенностями - этого пока не позволяют определить имеющиеся исторические источники. Можно пожелать, чтобы к этому кругу вопросов проявили интерес археологи, до сих пор почти не занимающиеся крестьянскими усадьбами.

К сожалению, мы не можем здесь объяснить все причины этой непрерывной и в общем быстрой эволюции крестьянской строительной культуры. Это пока еще предмет не популярного очерка, а научной дискуссии, которая идет, но не закончена. Те исследователи, которые вслед за И.Е.Забелиным долго вообще не признавали никакой эволюции крестьянской строительной культуры, теперь уже не отрицают ее, но пытаются объяснить главным образом взаимными влияниями традиций различных народов. По другим мнениям, причины изменений в формах этой культуры надо искать в развитии крестьянского сельского хозяйства, в росте народонаселения, в изменениях окружающей природной среды, в социально-экономических и политических процессах - развитии феодализма, затем капитализма и т.д. Разбор взглядов многих авторов и изложение нашего мнения заняли бы слишком много места и остались бы непонятными для тех читателей, на которых рассчитан наш очерк. Для них пока довольно и того, что И.Е.Забелин ошибся и что крестьянская усадьба в Европейской России, оказывается, имела-таки свою историю, сложную и динамичную, которую мы только теперь начинаем изучать.

Среди различных отзывов о наших исследованиях приходилось слышать и упреки в том, что мы поступаем непатриотично, опровергая концепцию И.Е.Забелина о неизменяемости и неопределенной древности форм русской крестьянской усадьбы. За этим легко увидеть довольно распространенное обывательское представление о том что крестьянская (и вообще "народная") культура любого народа тем "лучше" и "выше", чем она древнее.

---

[74] Шенников А.А.Длинный дом и крытый двор...С.120-121, 127-129.

На это можно ответить, во-первых, что для историка единственный способ поступать патриотично - это писать о своем народе правду.

Во-вторых, по нашему мнению, культура любого народа не может считаться "лучше" или "хуже", "выше" или "ниже" культуры других народов в зависимости от того, какая из них древнее. Ни одна из этих культур не является исконной, все они развивались и изменялись, проходя определенные стадии развития. Но развивались они не равномерно и не синхронно. То одни, то другие выходили вперед или отставали, вчерашние отставшие могли стать передовыми и наоборот. История никому не выдавала патент на вечное пребывание в рядах передовых.

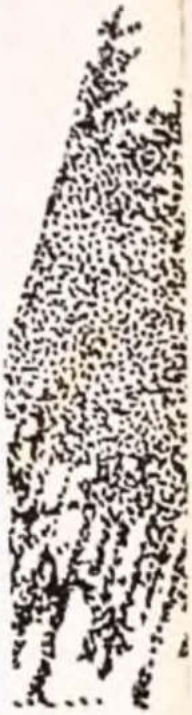
Если же все-таки в каких-то отношениях допустимы сравнительные качественные оценки культур, то еще вопрос, что следует считать "лучше" и "выше" - застревание культуры на одном уровне на "триста, четыреста и даже тысячу лет" (по И.Е.Забелину !) [75], или ее непрерывное развитие в соответствии с эволюцией производства и общества.

---

[75] Забелин И.Е. Домашний быт... С.27.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение 3
Документ 7
Усадьба I9
Клеть 24
Хлев, мшаник, пристен 34
Изба 47
Избы в XУI-XУII веках 47
Крыши 66
Подзавалья 80
Избы Неудачки и Шестачки 85
Другие постройки 89
Заключение 95



РТП РГО. Зак.22-500. I.06.I993.

обук

1997